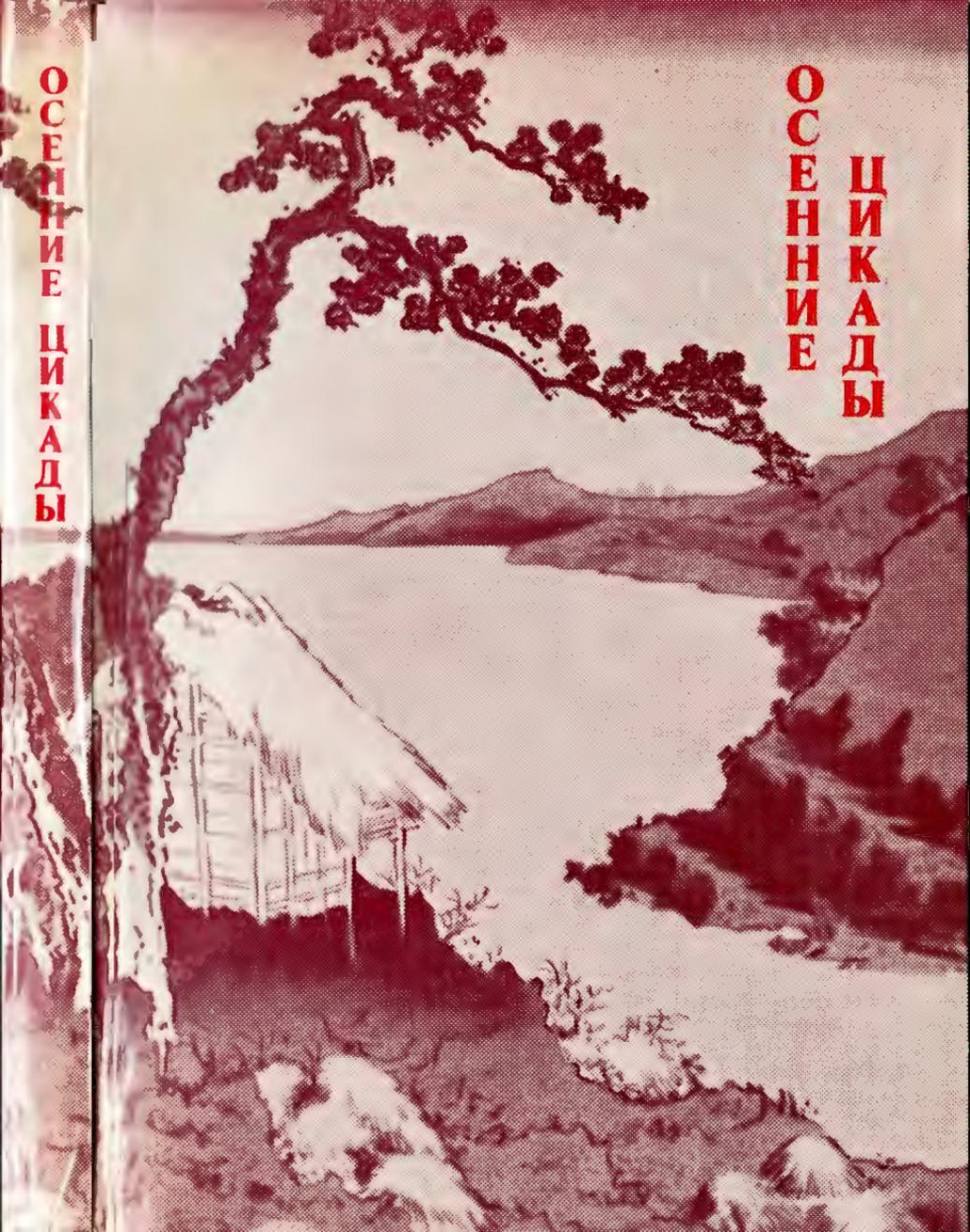

ОСЕННИЕ
ЦИКАДЫ

ОСЕННИЕ
ЦИКАДЫ

**О
С
Е
Н
Н
И
Е**
**Ц
И
К
Л
А
Д
Ы**

**Издательство
«Наука»**

**О
С
Е
Н
Н
И
Е**
**Ц
И
К
Л
А
Д
Ы**

**из японской
лирики
позднего
средневековья**

Главная
редакция
восточной
литературы
Москва
1981

И(Яп)

О-72

Перевод с японского

Предисловие, составление,
перевод и комментарий
А. ДОЛИНА

Ответственный редактор
Л. Е. ЧЕРКАССКИЙ

О $\frac{70404-122}{013(02)-81}$ 194-81 4703000000

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1981.

Поэзия изменчивого мира

С глубочайшей древности поэты Японии не устали воспевать терпкую горечь бытия: печаль одиночества, хмельное забвение, красу опадающих цветов, мерное журчание потока, лик осенней луны.

Шли века. Сменялись династии, перемещались столицы, в кровавых битвах истребляли друг друга воины, вещали о рае святые подвижники, рушились в огне пожаров дворцы и храмы. Рождались новые поколения, появлялись новые правители, распаивались новые земли, строились новые крепости, монастыри, города. В круговращении пяти стихий — земли, воды, дерева, огня и металла — решались судьбы людей. Но все с тем же постоянством зимы сменялись веснами. Зеленели ивы, одевались багрянцем клены в горах, не иссыкали реки и не переполнялись моря. И во все времена человек, постигая окружающий его мир, создавал прекрасное.

На Дальнем Востоке искусство, подчиненное законам природы, стремилось уловить извечный ритм Вселенной, выявить «постоянное в сменах», непреходящие ценности в бесконечной череде метаморфоз. По-

эзия, живопись, скульптура, архитектура, каллиграфия, музыка... Поколениями накапливается опыт. И вот мастера эпохи Токугава, унаследовав глубинные традиции китайской и японской культуры, творят для бессмертия в мире, где жизнь подобна «блеску молнии, рассветной росе».

Япония периода правления династии сёгунов Токугава (1600—1868). Прошедшая через горнило свирепых междоусобных распрей, а ныне умиротворенная, замкнувшаяся в островном уединении страна. Строжайшая сословная иерархия. Всевластный военный правитель в Эдо и бессильный император со своим двором в Киото. Самурайство, воспитанное в духе кодекса чести Бусидо. Деградирующая дворцовая аристократия. Забитые, бесправные крестьяне. Многочисленное благоденствующее духовенство. И наконец, вставшая на ноги, прочно укрепившаяся в больших городах буржуазия, в чьих руках все нити экономической жизни страны. Третье сословие, вознамерившееся полной мерой зачерпнуть из сокровищницы земных удовольствий.

С неожиданным резонансом в Японии конца XVII в. прозвучала дремавшая в недрах цивилизации идея «бренного мира» — *укиё*. Понятие *укиё* объединяло множество сложных, порой противоречивых представлений. Это была причудливая смесь пуристских догм буддизма сект Нитирэн и Сингон с дзэнской терпимостью и вольнодумством, с языческой наивностью синтоистских обрядов. *Укиё* — «юдоль скорби». Старинное, привычное слово из церковных проповедей было переосмыслено в процессе становления городской культуры как «изменчивый, обманчивый, призрачный мир», как «пльвущий мир». Можно истолко-

вать *укиё* и так: быстролетная жизнь, полная эфемерных печалей и наслаждений, жизнь, подобная бегу облаков и току вод.

Разные грани понятия *укиё* породили такие несхожие феномены материальной и духовной культуры, как эротическая новелла и поэзия монашеской аскезы, цветная гравюра и татуировка, утонченные трехстишия *хайкай* и массовый театр, «чайные дома» веселых кварталов и эзотерические школы воинских наук.

В эпоху относительно стабильного господства Токугава, отмеченную полицейским произволом и поголовной коррупцией чиновничества, происхождение само по себе уже не могло гарантировать ни почета, ни преуспевания в делах. В глазах ценителей из образованных горожан интеллектуальная элита (*бундзин*) заслуживала ничуть не меньшего уважения, чем наследственная аристократия. Сам заимствованный из Китая термин *бундзин* употреблялся в период позднего средневековья для обозначения «магистра искусств», нередко совмещавшего в одном лице таланты поэта, художника, каллиграфа, музыканта, а порой еще и фехтовальщика или стрелка из лука. Выходцы из разных сословий дружно вливались в состав *бундзин* Эдо, Киото и Осака. Нередко в одной школе, под руководством одного наставника бок о бок слагали стихи или рисовали купцы, нищие и отпрыски княжеского рода. Веяния времени сказывались не только в изменении отношений между художником и его аудиторией, но и в преобразовании самого творчества, скованного на протяжении столетий цепями канона. Попытаемся же представить себе искусство *укиё* во всей его многоликой простоте на примере поэзии *вака*, более известной у нас как *танка*.

Обратившись к истории классических пятистиший *вака*, мы увидим, что к XVII в. этот древний жанр пребывал в состоянии упадка. На смену великолепным антологиям, таким, как «Манъёсю» («Собрание мириад листьев»), «Кокинсю» («Собрание старых и новых песен Ямато»), «Синкокинсю» («Новое собрание старых и новых песен Ямато»), пришли эпигонские сборники, призванные удовлетворять главным образом вкусы дворцовой знати. Условная, раз и навсегда запрограммированная поэтика *вака* зиждилась на омертвевших основах.

Что же вызвало новый подъем угасающего жанра в пору, когда его окончательное вырождение казалось неизбежным? В самом общем смысле первопричиной, видимо, был расцвет буржуазной по содержанию демократической городской культуры начиная с годов Гэнроку (1688—1703). Расцвет, знаменовавшийся появлением школы *укиё-э* в живописи и гравюре, становлением театра Кабуки и Дзёрури на базе первоклассной драматургии (Тикаману, Ки-но Кайоп, Цуруя Намбоку), кристаллизацией бытовой новеллы и повести (Ихара Сайкаку), ростом популярности *хайкай* (Басё, Бусон, Исса).

Укрепление национального самосознания привело в XVIII в. к развитию классической филологии и философии в русле так называемой «отечественной школы» (*кокугаку*), которая выступила против засилья «китайских наук» — общеобразовательного курса конфуцианских гуманитарных дисциплин. Грандиозные эксперименты по реконструкции, расшифровке и комментированию таких памятников, как «Манъёсю», «Кокинсю» и «Гэндзи моногатари», стали связующим звеном между литературой раннего и позднего средневековья. Они пробудили также интерес к *вака*. Великие ученые,

ревнители «отечественной школы» Камо Мабути и Мотоори Норинага видели в *вака*, самом представительном жанре национальной поэзии, истоки истинно японского духа (*ямато-дамасий*). Изучение и сочинение *вака* стало для всех последователей *кокугаку* священным долгом, хотя далеко не всегда такое творчество приносило достойные плоды.

Под влиянием идей *кокугаку*, в борьбе против неоконфуцианства и усиливающихся западных влияний оформилось своеобразное направление дидактической лирики, представленной на страницах нашего сборника в поэзии Мабути, Норинага, Мунэтакэ, Акэми. Отстаивая чистоту родного языка, патриархальное благородство нравов и священный принцип национальной общности, они широко использовали традиционный жанр *вака* в качестве трибуны для пропаганды своих взглядов, для острой полемики:

Напрасно дерзают
о сути вещей толковать
китайские старцы,
когда не дано им постичь
Неисповедимого суть!..

(Мотоори Норинага)

Немалую роль в формировании особенностей лирики Одзава Роана, Рёкана, Кагава, Кагэки, Татибана Акэми и Окума Котомити сыграла ее преемственность по отношению к *хайкай* школы Басё, отрицавшей версифицирование по заданному шаблону и требовавшей подлинности чувства. Выдвинутые Басё принципы поэтики («печальное очарование», «терпкость», «легкость») высоко ценились поздними мастерами *вака* и, не будучи приняты как догма, постоянно находили отражение в их творчестве.

Характер *вака* эпохи Токугава раскрывается в сочетании мощной древнеклассической традиции, с одной стороны, и влияния городской поэзии (*хайкай*, шуточных трехстиший *сэнрю*, комических «сумасбродных *вака*» — *кёка*, народных песен) — с другой.

Безусловно, базой для возрождения *вака* в XVIII и начале XIX столетия послужила испытанная веками классическая поэтика с ее «сезонной» образностью, рафинированной лексикой и разработанной системой стилистических приемов. Как и стихи их предшественников во все времена, сборники Мабути, Мунэтакаэ или Кагэки изобилуют хорошо знакомой читателю символикой: аромат отцветающей сливы, шум сосен на ветру, тоскливый клич кукушки, пение соловья, заросшая плющом дверь в хижину отшельника. Часто можно встретить в качестве *хонка*, «изначальной песни», на которую проецируется образная фактура пятистишия, известные стихотворения из древних антологий — «Кокинсю», «Синкокинсю», «Хякунин иссю». Иногда поэт апеллирует непосредственно к любимым авторам прошлого, как, например, в стихотворении Рёкана, сложенном на могиле Сайгё, или «Старцу Басё» Кагэки. Однако творческое переосмысление традиции приводит к частичному размыванию канона. Очень редко в поздней лирике *вака* встречаются манерные, вычурные стихи, где ажурность форм заменяла бы глубину содержания и любование удачным тропом превращалось бы в самоцель. Наоборот, стилистические изыски, как правило, подчинены задаче создания весомого, зримого образа, несущего вполне определенную смысловую нагрузку. Традиционный набор поэтических приемов остается почти неизменным, но зато используется он подчас в совершенно неожиданном ключе. Так, например, Рёкан для контраста нередко вводит архаичные,

тяжеловесные «постоянные эпитеты» (*макуракотоба*) в стихотворение о деревенском празднике или в какой-нибудь дзэнский парадокс.

Каждый из поэтов, отказавшись от буквалистского подражания древним, стремится найти свой угол художественного видения мира, хотя вглядываться в явления ему приходится через призму канона.

Старинные песни
я слышал об этом не раз,
и все же сегодня
как будто впервые люблюсь
на клены в осеннем убранстве.

(*Таясу Мунэтакэ*)

Сознание сопричастности тысячелетней традиции *вака* всякий раз придает строгость и благородство новому эмоциональному всплеску.

В лирике Мабути и Рёкана, Кагэки и Котомити при всем различии их жизненных позиций доминирует единый принцип *макото* — истинности и искренности произведения реальных впечатлений. Уставная лексика, канонические тропы, реминисценции из древних памятников — все это служит лишь средствами живой поэтической экспрессии. Такую же функциональную нагрузку несет в некоторых случаях и подробное название-интродукция.

Восхищаясь безыскусной красотой песен «Манъёсю», уточненностью «Кокисю» и «Синкокинсю», мастера позднего средневековья стремились направить поэзию *вака* в новое русло, приблизить ее к современности. Переосмысливая понятия «высокого» и «низкого», «поэтического» и «не поэтического», они создавали свое искусство на основе всего лучшего, что могли дать им предшественники.

Призывом к простоте и естественности сопровождавшимся апологией благородной бедности и поэтического отшельничества, передается традиционное по духу мировосприятие большинства *бундзин*, в которое, впрочем, сами поэты вкладывали различный смысл. Для Кагэки, баловня судьбы и кумира столичной молодежи, досуг в горной хижине был лишь временным отдохновением, данью влечениям души. Для Рёкана же вся мудрость дзэн воплощалась в лице нищего странника, ожидающего прозрения, бредущего по свету в поисках Пути. Так же когда-то шел по тропинкам Севера великий Басё, слагая стихи о цветах, птицах и луне, о вшах, набившихся в летнее платье, о грязных постоянных дворах.

Именно поэты *хайкай* XVII—XVIII вв. по сути дела впервые соединили понятия естественности и красоты в неразрывное целое, возведя в ранг «поэтических» такие объекты, которые выглядели кощунственно в глазах придворных блюстителей традиций. Может быть, поэтому сборники Рёкана, Акэми и Котомити тоже пестрят образами, почерпнутыми из гущи жизни.

Лирике этих поэтов, воспитывавшихся, как и все их современники, в суровом духе конфуцианского благочестия, присуще трогательное внимание к простым человеческим слабостям и привязанностям. Рёкан, например, вдохновенно описывает свою дружбу с деревенскими ребятами, которые приглашают его играть в мячик и собирать цветы на лугу. Котомити с умилением любителюется и заплаканным младенцем-внуком, и несмышлеными цыплятами, и полевым мышонком. Тут невольно напрашивается параллель с трехстишиями Кобаяси Исса, воспевшего в проникновенных строках мух, слепней, пауков, лягушек и прочих

«малых тварей земных», в которых поэт видел «родственную душу». Первозданная простота, завещанная дзэнскими патриархами, придает особый колорит стихам, вносит жизненность в городские и деревенские жанровые зарисовки.

Расцвет опрощенной бытовой *вака* знаменуется появлением цикла Татибана Акэми «Мои маленькие радости». В пятистишиях, посвященных немудреным радостям человеческим в бренном мире, использована классическая формула «Таносими ва...» («Как хорошо...») из «Записок у изголовья» Сэй Сёнагон (X—XI вв.) и китайских афоризмов «Цзацзуань»:

Как хорошо,
когда посетитель докучный,
только присев,
сразу вспомнит о важном деле
и начнет впопыхах прощаться...

Подобные стихи, где от канонической *вака* остается только ритмический рисунок, наглядно показывают, как далеко ушли в своей эмансипации от безукоризненно изысканных поэтов прошлого мастера времен заката сёгуната. И все же ни Акэми, ни Котомити до конца не вписываются в сферу народной смеховой культуры *сэнрю* и *кёка*, где пародирование классики зачастую граничит с вульгарностью, литературным ёрничеством и шутовством. Их юмор — всего лишь мягкая усмешка интеллигента, снисходительно принимающего жизнь такой, как она есть.

С наибольшей отчетливостью философия *бундзин* выявляется в медитативной лирике, содержащей размышления о добре и зле, о долге и призвании, о бедности и богатстве. Формы воплощения поэтических раздумий, не связанные уставными регламентациями,

колеблются от напряженного внутреннего монолога до остроумных максим и витиеватых дзэнских парадоксов. И неизбежно в подобных миниатюрах умозрительная абстракция преобладает над привычной «вещностью» образа:

Сердца порывы
тщетно стремятся к небу
вместе с клубами
благовонных курений —
словно дымок над Фудзи...

(Кагава Кагэки)

Бундзин, как правило, мало заботились о мирской славе и богатстве, хотя Мабути, Мунэтаке, Норинага и Кагэки получили то и другое при жизни. Роан, Рёкан и Акэми влачили дни свои в бедности, а Котоми-ти, кроме того, еще и был предан забвению после смерти — его «реабилитировали» только в самом конце XIX в. Но истинный удел поэтов определила история, бережно сохранившая их творения для благодарных потомков.

Поэтов *вака* позднего средневековья читают и почитают в современной Японии. Лучшие их стихи вышли в серии классической литературы издательства «Иванами» (Кинсэй вакасю, Токио, 1969). Эта книга и легла в основу раздела «Вака» данного сборника.

* * *

Простимся на время с творчеством *бундзин* позднего средневековья, чтобы, окунувшись в стихию народной поэзии, взглянуть в совершенно ином ракурсе на искусство *укиё*.

Народная поэзия Японии и Китая всегда существовала в самом тесном переплетении с профессиональ-

пой. Не случайно Конфуцию приписывается составление «Книги песен» («Шицзин»). Не случайно императоры приказывали включать народные песни в крупнейшие антологии. Японские поэты всегда черпали вдохновение в животворном источнике народной речи. В свою очередь, народные сказители, сочинители песен и баллад украшали свои произведения реминисценциями из классики. Авторскую и народную поэзию в Японии можно сравнить с двумя легендарными соснами в Суминоэ, растущими из единого корня.

В позднее средневековье народная поэзия переживала период величайшего взлета благодаря расцвету самобытного искусства «веселых кварталов» больших городов.

Перелистав страницы новелл Ихара Сайкаку или «бытовых» драм Тикамацу Мондзаэмона, хотя бы только тех, что переведены на русский язык, мы обнаружим любопытный факт. Героини большинства этих шедевров мировой литературы — продажные женщины, обитательницы «веселых кварталов» Эдо, Киото или Осака. Кварталы любви... Прибежище загулявших купцов, скрывающихся под широкополыми шляпами самураев, игроков и актеров. Обитель роскоши и нищеты, красоты и уродства, где смех легко переходит в слезы и безудержное веселье сменяется безысходным отчаянием. Колыбель утонченного варварства, культа изощренных плотских наслаждений. Источник неисчислимых причуд моды, легенд о несчастной любви и зловещих преданий о двойных самоубийствах...

Институт гетер в таких странах, как Китай, Корея и Япония, существовал с незапамятных времен. В средние века каждый большой город мог похвалиться фешенебельными домами терпимости с «товаром» на любой вкус. Но лишь в начале XVII в. правитель-

ство Токугава, заботясь о нравственности подданных, санкционировало вынесение «веселых кварталов» за городскую черту. Так возникли мегаполисы «свободной любви» со своей обособленной жизнью — Ёсивара близ Эдо (в 1617 г.) и Симабара близ Киото (в 1640 г.).

Многотысячное население «кварталов цветов» (*кагай*) помимо естественного прироста регулярно пополнялось за счет оптовых закупок в провинции, где умиравшие от голода крестьяне, отцы многодетных семейств, по сходной цене продавали дочерей. Обычай продажи девочек в «чайные дома» настолько укоренился в эпоху позднего средневековья, что стал чуть ли не нормой для крестьян центральных провинций.

Чаще всего девочку продавали в возрасте от десяти до тринадцати лет, с тем чтобы она на первых порах прислуживала гетерам высшего разряда и обучалась искусству оболъщения. Курс наук, который предстояло освоить будущей *дзёро*, составил бы предмет зависти любой дамы высшего света. Сюда входило не только изучение альковных тайн, но также знание хороших манер и правильного столичного произношения, умение модно одеваться, гримироваться, делать сложные прически. В течение нескольких лет гетера овладевала секретами «чайной церемонии», аранжировки цветов, угадывания запахов, игры в облавные шашки и го. Она должна была исчерпать программу классического образования, проштудировав все основные отечественные, а иногда и китайские, литературные памятники, чтобы потом в беседе с начитанным гостем небрежно обронить нужную цитату или разгадать каламбур. Гетере необходимо было безупречно писать, соперничая изяществом почерка с прославленными каллиграфами, — иначе богатый покровитель не принял бы ее любовного послания. А на письмо ка-

кого-нибудь пылкого юноши из хорошей семьи нужно было уметь ответить изящными любовными стихами. Совершенствование в танцах, пении и игре на трехструнном сямисэне или цитре-кото довершало комплекс познаний юной *дзэро*.

Стоит ли удивляться, что гетеры, чьи врожденные способности и приобретенные навыки оттачивались ожедневным общением с требовательными гостями, были самыми образованными и самыми привлекательными женщинами своего времени. Гетеры служили моделями прославленным художникам — Харунобу, Киёнага, Утамаро, Тоёкуни. Гетеры, овеянные романтическим ореолом, изображались в романах, повестях, новеллах, драмах, народных балладах.

В феодальной Японии, где брак заключался исключительно по расчету, как бы ни была умна и миловидна жена, она всегда представляла для мужа лишь необходимое дополнение к домашнему очагу. В семейных отношениях понятие «любовь» как синоним страсти не существовало для буржуа Эдо или Осака. Жена была фамильной собственностью, иногда полезным советчиком, а главное — средством для продолжения рода в установленных общественных рамках. Измена жены каралась смертной казнью, в то время как мужу не возбранялось проводить ночи с «цветами любви», если только он не ставил под угрозу благополучие дома. Многие мужчины охотно пользовались своими привилегиями, даря благосклонность пленительным *дзэро*. Когда же, себе на беду, какой-нибудь купец влюблялся в красавицу-гетеру, история нередко принимала трагический оборот — отчаявшиеся любовники совершали двойное самоубийство (*синдзю*) в надежде на счастливое супружество, которое ожидает их в следующем перерождении.

Несмотря на то что знаменитые *дзёро* могли равняться славой со звездами Кабуки и являлись поистине законодательницами мод в больших городах, участь их была плачевна. Тоска одиночества, горькие жалобы на жестокость жизни, на невозможность воссоединения с любимым звучат в песнях «веселых кварталов».

Девушки, наиболее щедро одаренные природой, становились гетерами высшего разряда, *тайфу*, и пользовались расположением самых знатных гостей, но даже они были не вольны распоряжаться своей судьбой. Три четверти доходов от щедрот посетителей отчислялось владельцу заведения, а остальное уходило на косметику и наряды. *Дзёро* могла надеяться лишь на прихоть богача, который внес бы за нее выкуп и взял на содержание, что случалось крайне редко. Обычно *дзёро* выросла, а затем и «старела» в стенах своего чайного дома. После двадцати лет она неизбежно переходила из *тайфу* во второй разряд — *тэндзин*, затем в третий — *какои*, четвертый — *хасицубонэ*, и так до низшего — *сока*. Предельным возрастом для «цветка любви» было двадцать пять — двадцать семь лет. Перешагнувшие роковой рубеж женщины безжалостно выбрасывались на улицу, где они нищенствовали и вскоре умирали.

Фольклор «веселых кварталов», плоть от плоти культуры *укиё*, вобрал в себя все достижения многовекового народного песенного искусства. Профессиональные литераторы, посещавшие кварталы любви, записывали и обрабатывали сочинения неизвестных поэтесс. Песни *коута* и *фуси* появлялись в новеллах и драмах, на популярных гравюрах, выходили уже в XVI в. отдельными изданиями. Они начали завоевывать популярность с публикацией в 1600 г. книги «Пе-

сенки Рютацу», составленной, как это ни удивительно, монахом из секты Нитирэн. В дальнейшем все произведения вольного городского фольклора стали именоваться в честь сборника Рютацу «песенки» — *коута*. Иногда, впрочем, употреблялось другое название — *фуси*, т. е. «напевы». Со временем *фуси* стали отделяться от *коута*, образовав новые жанры, например сюжетные баллады (*нанива буси*). В свою очередь, баллады сливались с драматическими сказами *дзёрури*, составившими фольклорную основу «бытовых» пьес Тикамацу и его современников. В эпоху Токугава увидели свет такие книги, как «Собрание песенок нашего мира» (1688—1703), «Сосновые иглы» (1703), «Песни птиц и мошек, записанные в горной хижине» (1771), «Старинные песенки-оленьята из Ёсивары» (1819) и многие другие. Составители сборников, боявшиеся обнаружить свою причастность к низшему жанру, лирике «цветов», сохраняли инкогнито.

В XX в. лирика «веселых кварталов» издавалась неоднократно, хотя, может быть, и не в полном объеме. Источниками для нашей книги послужили аутентичные тексты сборников *коута*, объединенные в изданиях «Киндай каё сю» (Токио, Юходо, 1926), и коллекция песен «Мингё» Мацухара Ивао (Токио, Синсэйдо, 1926).

Поэзия «веселых кварталов», подобно фривольной прозе и гравюре, существовала как открытая оппозиция ханжеству конфуцианской морали. В песнях, грустных и смешных, подчас слегка скабрзных, выступают отчетливые черты искусства *укиё* с его ненасытной жаждой наслаждений (*нагусами*) и скорбным сознанием иллюзорности, непрочности бытия (*мудзё*):

Пусть в ином перерожденье
Буду я иной,
А сейчас любовь земная
Властна надо мной.
Что мне проку от учений,
Данных на века,
Если жизнь моя — росинка
В чашечке вьюнка!..

Хотя в языке и образности *коуга* ощущается кровная связь с литературной традицией, канон, в общем, не довлеет над стихом. В сравнении с *вака* и *хайку* народная песня допускает относительную свободу в выборе тем, лексики, композиции. Объем варьируется от четверостишия до многих десятков строк, причем встречаются устойчивые поэтические формы в восемь, двенадцать и шестнадцать стихов. Нередко композиционная стройность песен достигается при помощи ассоциативных образов (*энго*), омонимических «слов-стержней» (*какэкотоба*), введений (*дзё*) и других приемов классической поэтики, хотя эти приемы вкрапляются в совершенно иной, приземленный контекст.

Как и всякая песенная лирика, *коуга* тяготеют к насыщенной мелодике стиха, музыкальности, напевности. Японский язык лишен рифмы, но авторы песен знали о ней из китайской поэзии. И не случайны стихи с одинаковыми глагольными окончаниями во многих *коуга*, не случайно вводятся лексические повторы и ткань текста пронизана певучими ассонансами. Не выходя за рамки традиционной силлабики (чередования интонационных групп 7—5, 7—7, 8—7 и 8—8 слогов), безвестные авторы порой создавали интереснейшие поэтические построения.

Коуга завоевывали поклонников не только среди завсегдаеаев «веселых кварталов», столичных актеров, танцовщиц, бродячих певцов и комедиантов. Под му-

зыка сямисэна звучали песни в замках феодалов и на храмовых праздниках, в деревенских хижинах и тесных переулках городов. Не забыты *коута* и в наши дни. Они издаются в многотомных сериях литературного наследия и небольшими сборниками, а некоторые становятся эстрадными плягерами, переживая второе рождение. Все новые и новые поколения возвращаются к источнику народной поэзии и музыки, так же как и к бессмертным творениям мастеров *хайкай*, *вака*, *дзёрури*.

Высокая, идущая «поверх барьеров» лирика интеллектуалов и легкомысленные, порой сентиментальные песни *дзёро* — две, казалось бы, несовместимые области поэзии, расположенные на противоположных полюсах... Что ж, представим себе *вака* и *коута* как два извечных начала, созидające искусство изменчивого мира, как *инь* и *ян*, из взаимодействия которых рождается движение жизни.

Итак, остается лишь открыть книгу... Но прежде задумаемся, в какой мере японская лирика, плод самобытнейшей художественной традиции, доступна восприятию читателя, воспитанного на стихах Пушкина и Лермонтова, Тютчева и Блока, Шекспира и Гюго. На этот вопрос нет однозначного ответа. Ведь суггестивная японская поэзия, рассчитанная на многозначность полутонов, играющая лунными бликами реминесценций, кодирующая гаммы переживаний в символике иероглифа и мельчайших лексических нюансах, в сущности не может и не должна быть попята до конца. «Явленный путь не есть истинный путь», — учили древние. Каждый находит в стихотворении что-то свое, сугубо личное. Если же образ трактуется всеми одинаково — значит, он не удался, не стал нитью, связующей сердца читателя и поэта.

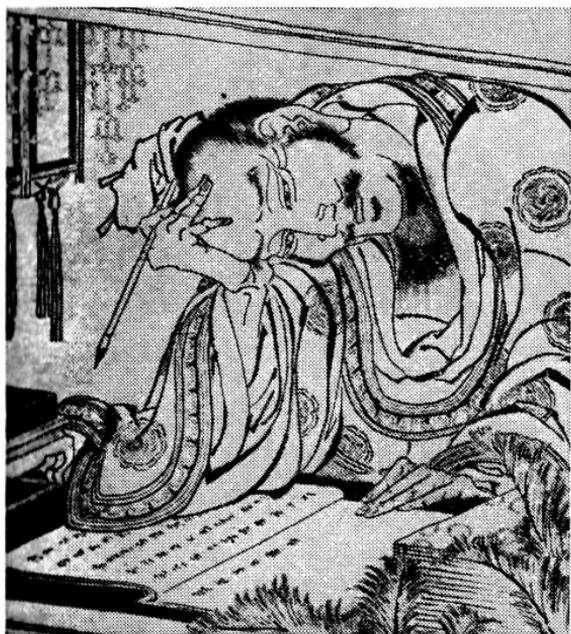
Строфы Алкея или сонеты Петрарки для нас законченные произведения искусства. Подобно изваяниям Праксителя или Микельанджело, они радуют глаз совершенством формы, безупречно гармонирующей с духовностью содержания. Кто решится добавить к ним хоть единый штрих, не опасаясь безвозвратно утратить идеальное воплощение мировосприятия художника? Между тем японские поэты и живописцы, каллиграфы и мастера чайной церемонии ставили перед собой совсем иные цели, нежели создание идеала Прекрасного.

В их творчестве, дающем лишь намек на истинную красоту, красоту природы, содержится некий шифр Вселенной. Ключом к шифру владеют посвященные, и чем выше степень посвящения, чем шире знакомство с классическим наследием, тем глубже проникновение в «очарование вещей» (*моно-но аварэ*), в «сокровенное значение» (*югэн*). Если европейский читатель любит колоритную деталью, внешним контуром стиха, вслушиваясь в его музыкальное звучание, то искушенный вкус японского ценителя поэзии улавливает также и глубинное содержание образа в сложном переплетении вариаций подтекста, в напластовании оттенков смысла, литературных аллюзий.

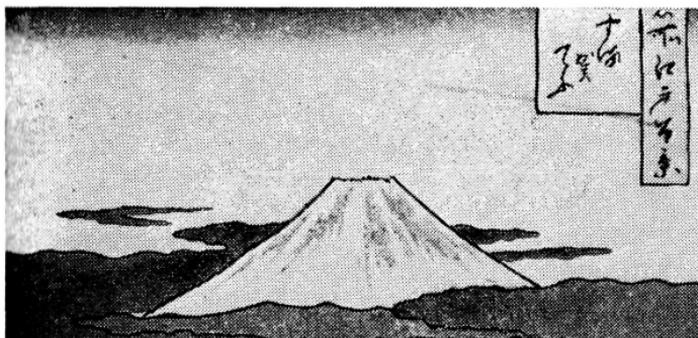
Встречное движение мысли и чувства дают единственное, неповторимое впечатление момента, своего рода эстетическое прозрение. Из творческого взаимодействия сил, созидающей и воспринимающей, появляется «сверхчувство» (*ёдзё*), которое и приоткрывает перед человеком тайну бытия.

А. ДОЛИН

**К
Л
А
С
С
И
Ч
Е
С
К
А
Я**
**П
О
Э
З
И
Я**
**В
А
К
А**

Камо Мабути

* * *

О, если бы мы
с цветов и пичуг беззаботных
брать стали пример,—
пришло бы желанное время
возврата к устоям старинным...

*Дома слагаю стихи
о непривычных холодах
в месяц кисараги*

Наступила весна,
а слежавшийся снег все не тает
на Икома-горе —
только кажется, будто цветами
разукрашены дальние рощи...

Слива во вторую луну

Распустились в горах
цветы долгожданные сливы,
белизною ветвей
и струящимся ароматом
всей округе весну возвещая.

*Чувства при виде
оппадающих цветов вишни
в знакомых местах*

Я увидеть хотел
горы Ёсино в вешнем цветенье,
но увы,— на ветру
грустно кру́жат над водопадом
лепестки облетающей вишни...

Ута́ о цветах

Вёсны сменились,
но неизменны, как встарь,
горные вишни —
с тайной печалью слежу
за превращеньем цветов...

* * *

В пору цветенья
вишни сродни облакам —
не потому ли
стала безмерна душа,
словно просторы небес...

* * *

У прохожих в толпе
рукава кимоно розовеют
лепестками цветов —
будто залиты вешнею краской
распустившихся в городе вишен.

*К картине, изображающей лучников
под сенью цветущей вишни*

На праздник весны
под вишней цветущей, у храма,
стрелки собрались.
Протяжно звенит тетива —
и льются с ветвей лепестки.

Цветы на дороге у заставы

Здесь, в горной глуши,
никак я не чаял увидеть
цветы меж камней —
вдруг сердце сильнее забилося
у самых ворот Асигара...

Цветущая вишня в Уэно

В погожий денек
окутаны дымкой весенней
холмы вдалеке —
но давно аромат цветенья
возвестил о близости вишен...

Фиалки

В родные края
вернулся я полюбоваться
простором полей —
опять распустились фиалки,
но нет любимой со мною...

* * *

Только одно
словом нельзя описать
и приукрасить —
все похвалы превзойдет
Ёсино в вешнем цвету!

Цветы у заставы Фува

На горной тропе
у заставы разрушенной Фува,
где стражей уж нет,
привлеченный цветеньем вишен,
остаавливается путник...

Начало лета в горной хижине

Близ хижины горной
цветы уходящей весны
еще не увяли.
Но что это? Слышится голос
о лете поющей кукушки...

* * *

В нашем горном краю
уже начинается лето.
Как представить себе,
что цветущих дерев не увидят
те, кто мир покинул навеки?..

*Слагаю, заслушавшись
песнями кукушек*

Вечерняя мгла
пропитана благоуханьем
цветов померанца.
За хижиной в роще весенней
ведут перекличку кукушки...

Конец лета

Высоко в небесах
проплывают случайные тучи.
Огоньки светляков...
Об осенней поре напомнил
налетевший в сумерках ветер.

Затяжные дожди

Мокнут под ливнем
прелые листья бамбука.
Мхом зарастает
к хижине горной тропинка —
в гости никто не приходит...

Осенний ветер

Песни сосен,
хаги тревожный шепот
бесконечно
раздаются во мраке ночи —
не стихает ветер осенний...

Ночь на 7-е число 7-й луны

Вот и настала
счастливая ночь Танабата —
встретились звезды,
радость даруя влюбленным
в нашем изменчивом мире...

Слагаю стихи о грозе

Туч грохочущий строй
проходит над кручей Ниита —
под напором грозы
помутнело и взволновалось
лоно чистых вод Тонэгава.

Светляки в конце лета

Прямо под облака,
навстречу осеннему ветру
улетая во мглу,
так бездумно и беззаботно
светлячки лесные резвятся!..

*Дома сложил стихи
о конце лета на горе Ооэ*

Внемля плачу цикад,
по лесистому склону Ооэ
я бреду не спеша.
Над деревьями хмурое небо
вновь об осени напоминает.

*О том, что чувствую,
встречая в горной хижине
приход осени*

Беспрерывно с утра
листья ропщут в бамбуковой роще
близ жилья моего,—
значит, снова с вершин повеял
неумный вихрь осенний...

В хижине посреди полей

Замерзает роса
под луной в предутренней дымке
на полях заливных...
Ночь за ночью по всей округе
Перелетные гуси кличут.

Луна над горной хижинкой

Ярко светит луна
безоблачной ночью осенней —
блики залили сад,
незаметно для глаз поравнявшись
с криптомерией у ограды.

Наутро после урагана

Над приютом моим
пронеслась беспощадная буря,
все круша на пути,—
никого теперь не заманишь
любоваться вместе луною!..

* * *

Сверчок верещит
в убогом жилище моем.
Светла и чиста,
сияет луна с высоты —
ах, если бы друг навестил!

Осенняя песня

Осенью веет
в Сарасина ветер с вершин.
Гору Старухи
освещает месяц вечерний,
проплывая по небосклону.

Ветер над полем хаги

Поле хаги в цвету...
Сквозь неплотно прикрытую дверцу
незаметно скользнув,
из знакомых меня навещает
только первый осенний ветер...

С друзьями люблюсь луной

С чем сравнить этот час,
когда, обещанье исполнив,
все друзья собрались
у меня в саду на веранде
любоваться вместе луною!..

Осенний дождь поутру

Вот и сегодня,
должно быть, опять зарядит
дождь бесконечный —
поутру над горной грядюю
вновь за тучами скрылось солнце...

Деревья зимой

Облетела листва,
и селенье для взора открыло
ряд соломенных крыш —
в зимний день на голых деревьях
собираются птичьи стаи...

*Дома слагаю стихи
о снежном пейзаже*

На руке у меня,
словно снежное изваянье,
белый сокол застыл —
славно вместе с ловчими мчатся
зимним днем по равнине Мусаси!

* * *

Радость какая!
Запел долгожданный сверчок.
Ах, если б вечно
длилась прозрачная ночь,
не заходила луна!

*Что чувствую я, созерцая утром
после снегопада дальнее селенье*

Утром кажется мне,
что после вчерашней метели
вдруг исчезли дома —
только дым очагов сиротливо
над снегами в долине вьется...

Зимняя луна

В час полночный, глухой,
когда под покровами мрака
сад едва различим,
белый иней в отсвете лунном
на деревьях смутно мерцает.

Снежный пейзаж

После вьюги ночной
созерцаю равнину Мусаси —
и просторы полей
представляются продолженьем
белоснежных отрогов Фудзи...

Слабый снегопад

Как хорош поутру
в этом горном краю Тоотоми
неожиданный снег!
Опускаются редкие хлопья
на вершины прибрежных сосен.

Тидори в бухте

Ясные звезды
в водах Ёсано и в небесах
невозмутимы.
Там, вдали, над бухтой дремотной
заунывно кличут тидори...

*В нашем мире 42 года
принято считать возрастом,
когда наступает время
сдерживать чувства...*

Ожиданьем весны
жить где-нибудь в хижине ветхой
предоставлю другим,—
а моим уделом отныне
станет бремя прожитых весен...

*Это стихотворение сложил я в день
окончания осени, увидев на рассвете
тающие огоньки светляков и невольно
уподобив их участи нашу жизнь*

На глазах у меня
под порывом осеннего вихря
взмыли ввысь светляки,
растворяясь в даях небесных,—
так и мы уходим из мира...

Ночной листопад

Ярко светит луна
в холодном безоблачном небе.
Прошуршав меж ветвей,
оппадают последние листья
под порывами вихрей горных...

* * *

Слышу в саду
флейты напев прозвучал —
гости ко мне...
С ветки сорвавшись, кружит
сливовый цвет на ветру...

* * *

Ночью осенней
прозрачны глубины небес —
В лунном сиянье
мне прощальный привет посылают
перелетных гусей вереницы.

Книги

Снова в книгу гляжу,
проницая задумчивым взором
дольний суетный мир,—
чтение книг старинных подобно
восхожденью в горные выси...

Дымок над костром солеваров

Показался вдали
берег бухты — безжизненный, дикий.
Навевая печаль,
вьется дым одинокой струйкой
над случайным костром солеваров...

Колокол в старом храме

В минуту раздумья
доносится издалека
печальное эхо —
о приходе ночи вещает
гулкий колокол в храме горном...

Таясу Мунэтакэ

Соловей у горной хижины

В этом горном краю,
где снега так долго не тают,
о приходе весны
подают мне весть на рассвете
соловьиные звонкие трели.

Дождь у Нового канала

Сжимается сердце
при виде безлюдных полей,
где, сея унынье,
то стихнет, то вновь зарядит
начавшийся с вечера дождь...

Вишня

На горной тропинке
вишневых цветов лепестки,—
а я-то гадаю,
откуда бы взяться теперь
метели в наших краях...

Начало первой луны

Прошлый год проводив,
подались ледяные покровы
на замерзшей реке
под касаньем весеннего ветра —
все светлее душа, все спокойней...

Весенняя песня

Когда по весне
слетаются стаи тидори
к лачуге моей
и в роще без умолку кличут,—
отрадой исполнено сердце...

Сложил в знойный день, слушая пенье цикад

До того безутешно
причитают цикады в ветвях,
что от их верещанья
стала вовсе невыносимой
духота в этот летний полдень.

*В окружении слуг
наблюдаю рябь на воде*

Осень настала.
Прозрачны до самого дна
стылые воды,
но ветер подует — и вновь
рябью подернется пруд...

*21-го числа 1-й луны
18-го года Кёхо
с этим стихотворением
преподношу отцу моему, сёгуну,
по случаю его пятидесятилетия
подставку для кубков*

Журавль с черепахой
недолго живут на земле
в сравнении с веком,
который тебе предстоит,
отец мой, властитель страны!

*В гостях
у одного из придворных
созерцаю лодку
на глади пруда*

Ей не страшны
ни ветра стремительный натиск,
ни ярость волн —
этой лодке для водных прогулок,
будто ставшей частицею сада...

Журавль, залетевший во двор

Говорят, что журавль
навевает о детях раздумья,
благодатью дарит,—
но от криков этого гостя
и жена терпенья лишилась!

* * *

Казалось, бесследно
растаял в Ёсино снег
на горных отрогах,—
а нынче опять замело
Мисима цветочной пургой...

* * *

Глициний цветы
оплели берега Суминбэ —
и медлят с отплытьем
корабли, что сюда завернули,
привлеченные ароматом...

*На площадке
для любования снегом
в гостях у одного из придворных*

Вдруг захотелось
взглянуть на вершину Фудзи —
долго люблюсь
из беседки у самых склонов
закатным солнцем и снегом...

Лотосы

У пруда постоял,
где от лотосов свежестью веет...
Сам не знаю, когда
пропитались все складки платья
несказанным благоуханьем.

Приход осени

Ветра порывы
стон исторгают из струн —
в музыке кото
чудятся мне напевы
осени наступившей...—

* * *

На осеннем лугу
отцветают душистые хаги —
и уже не спешит
до ночлега добраться странник,
дивным зрелищем залюбовавшись...

Хаги

К подруге взывая,
трубит одинокий олень,—
должно быть, сегодня
прекрасна равнина Манбó,
где желтые хаги в цвету...

* * *

Лето минуло.
Вот уж и осень пришла.
Долго и грустно
шелестят в саду перед домом
пожелтевшие листья оги...

Начало зимы

Как будто проведая,
что нынче начало зимы,
макушки склоняют
и глухо гудят на ветру
деревья в окрестных горах...

Конец 9-й луны

Будто бы зная,
что осень подходит к концу,
заверещали
жалобно и безысходно
в кронах деревьев цикады...

Тидори

При свете луны
так явственны очертанья!
На глади морской,
почую бухту встревожив,
резвится стайка тидори...

Журавли

Светло на душе,
когда журавлиные стаи
осенней порой
опускаются на побережье
к белоснежным волнам Суминоэ...

Огонь в очаге

Одинокий старик
в грустных думах ночь коротает,
прикорнув у огня.
Если бы не угли в жаровне,
как бы дожил он до рассвета?..

Застава

И следа не пайти
от строений дорожной заставы
здесь, на Фува-горе,
где когда-то, в давние лета
столько страшиков перебывало...

Цикады

Поздняя осень.
Осыпаются хаги в полях.
Как приглушенно
свисту ветра вечернего вторят
голоса цикад в полумраке!..

* * *

Закатной зарею
восточные горы вдали
сегодня пылают —
и кажется вдвое прекрасней
осенних кленов багрянец...

Месяц Кагура

Ветер бушует,
и мечется пламя костра
в бликах холодных, —
верно, на клены в горах
снова обрушится град...

Лед

Ледком затянуло
прозрачное лоно реки —
и в зимнем убранстве
будто стала еще светлее
тихоструйная Ёсиногава...

Сосны

Если бы сосны
на берегу Суминоэ
заговорили, —
я бы услышал от них
правду о Веке Богов...

Горы в дымке

До вчерашнего дня
белел он вдали неизменно,
снег окрестных вершин,—
а сегодня в утренней дымке
растворился, скрывшись от взора...

*Сложил эти стихи, увидев,
какие дружные побеги
дали ростки ивы, что посадил я
в прошлом году*

«Все равно им не жить!» —
думал я когда-то, втыкая
эти прутья в саду,
но настала весна, и дружно
в рост пошли молодые ивы...

Осенние ливни

Упынье наводит
дождей бесконечных чреда,
но я вспоминаю,
что деревьям на пользу ливни,—
и опять душа безмятежна...

Сойка

Как скоро настала
желанная эта пора! —
У самого дома
распевает сегодня сойка
на дубу в сплетении веток...

* * *

Лунные блики
скользят по тугим парусам
лодки рыбачьей —
от души завидую тем,
кто выходит сейчас на лов.

Осенняя буря

Свирепая буря
срывает с деревьев листву —
сегодня впервые
я вспомнил с тоской запоздалой
о красках осеннего сада...

Цветы хаги

До вчерашнего дня
я мечтал, что увижу, быть может,
хаги в полном цвету, —
но сегодня, влекомые вихрем,
не раскрывшись цветы опадают...

Снегирь

Из клетки постылой
упорхнул на свободу снегирь
и мирно резвится
на раскидистой старой сливе
в палисаднике подле дома...

*Сложил однажды вечером,
когда во время снегопада,
попивая сакэ, любовался садом*

Сижу я сейчас
и с чаркой сакэ созерцаю
заснеженный сад,—
а тем временем на дороге
увязает в сугробах путник...

Большой дикий гусь

Вдруг послышалось мне,
будто гость у ворот стучится,
окликает, зовет,
а пошел посмотреть — и что же!
Оказалось, в луже напротив
дикий гусь протяжно гогочет...

Влюбленный светлячок

Не плачет навзрыд,
но, пламени молча отдавшись,
горит светлячок,—
наверное, так же как я,
тоскою любовной объят!

*Под шорох сосен в саду вспоминаю,
как в прошлом месяце, одинокий странник,
забрел я в Сусаки и отдыхал там
на берегу бухты*

Только заслышу
сосен разбуженных шум —
вспомню Сусаки,
край, где, тоску позабыв,
странствовал месяц назад...

Цапли хэра

Кто всю свою жизнь
не ударит пальцем о палец,
работы бежит,—
тот ничтожнее цапли хэра,
пожирающей пищу втуне!

* * *

Великую милость
приявший в рожденье своем
от неба с землею,—
по жизни пройдет человек
покорен вельням Небес...

*Слагаю стихи, жалея тех,
кто не хочет учиться*

И без ученья
можно, пожалуй, прослыть
мужем премудрым,—
но подучиться еще
и мудрецу не во вред!

*Слагаю стихи о значении
китайской учености*

Книг не читая,
многие век свой влачат
в праздности сладкой —
счастливы жизнью такой,
словно рыбешка в сетях...

Слагаю стихи, жалея неучей

Как же убоги
те, что привыкли считать,
будто от бога
мудрость земная дается,—
и прозябают в безделье!

*Цапли на деревьях у храма,
где провожу ночь*

В ветвях криптомерий,
что встали могучей стеной
вкруг старого храма,
весь вечер галдеж и смятенье —
угомону нет цаплям гои!

*Поднявшись на смогровую площадку
для любования Фудзи,
созерцаю одетые багрянцем деревья*

Старинные песни
я слышал об этом не раз —
и все же сегодня
как будто впервые люблюсь
на клены в осеннем убранстве...

Одзава Роан

К картине в жанре «горы и воды»

От мира вдали,
там, где отражает вершины
озерная гладь,—
исчезнет, я знаю, бесследно
вся скверна, осевшая в сердце...

Бамбуковый занавес

Хотя в этот вечер
я в гости не жду никого,
но дрогнуло сердце,
когда всколыхнулась под ветром
бамбуковая занавеска...

* * *

Все тяготы мира
на деле несут человеку
великое благо,—
но как бы узнал я об этом,
когда бы на свете не по́жил?..

*Предутренный дождь
над горной хижинной*

Над горною кручей
тяжелые тучи клубятся —
окопце прикрою
и жду одиноко рассвета,
унылому ливню внимая.

Глиняная фигурка

Завидно смотреть:
малыш, что явился на свет
из праха земного,
о доле своей не тревожась,
смеется над призрачным миром...

Облака над горной хижинной

Здесь, в горной глуши,
друзья не заглянут ко мне —
одни облака
приходят, блуждая, к плетню
и снова куда-то плывут...

Слагаю стихи о лодочнике

Вот перевозчик,
что сроду не думал искать
зелье бессмертья,
тихо стареет себе
в лодке меж двух островов...

Вол

Вол на пахоте
так безрадостно влачит
свой нелегкий плуг...
Ну, а разве мы с тобой
в тот же плуг не впряжены?..

* * *

Голосом сердца
служат простые слова
песен Ямато.
Что, кроме них, передаст
дум сокровенную суть?

Непостоянство

Станет с годами
галька речная утесом,
не прерывая
вечную цепь превращений
в нашем изменчивом мире...

Богатства

Груды сокровищ
в суетной жизни мирской
блеском пленяют —
словно роса на траве,
что достается ветрам...

Деревья и травы

Да разве могу я
не высказать мыслей своих?
Деревья и травы,
которым души не дано,—
и те не молчат на ветру...

* * *

До основанья
стерлись колонны и стены
Оцу, что в Сига,—
сколько же бурных столетий
видели эти руины!

Сакэ

Живут же на свете
глупцы, что, напившись сакэ,
хмелеют бездарно
и вместо приятных забав
лишь множат заботы свои!

Карканье ворон

Наверно, вороны
ведут меж собой разговоры.
Ведь, право, недаром:
закаркает серая где-то —
другая ей тотчас же вторит...

*По нынешним временам в ута
обязательно строго отбирают слова,
а многие вещи из тех,
что мы видим и слышим повседневно,
и вовсе в стихах не встречаются*

В прежние года
не стеснялись этих слов
в песнях и стихах:
редька, баклажан, имбирь,
вяленая дыня, лук...

*Многим, считающим,
что песня рождается не из
зрения-слуха-запоминания-знания*

И чего искать
где-то в пыльных кладовых,
если семя слов —
в том, что нам постичь дано
через зрение и слух?

*Слышу карканье вороны
весенним вечером,
когда моросит дождь*

Вечер весенний.
Дождь моросит без конца.
Горечи полон
крик промокшей горной вороны,
направляющейся к ночлегу!..

Весенняя зоря

«О если бы вечно
жила эта брeнная плоть,
роса луговая!» —
сжимается сердце мое
при виде весенней зари...

* * *

Под сенью деревьев,
роняющих розовый цвет,
дыхание бури
мне почудилось в шуме потока,
долетающем из ущелья...

Год за годом люблюсь цветами

Каждый год по весне
вместе с новым другом люблюсь
вишней в полном цвету,
стал и я незаметно старцем
вопреки нелепой надежде...

Ветви старой вишни

Я сам уже стар,
и вишня в саду постарела,—
но юность живет
в ненасытном старческом сердце
и в душистых этих соцветьях...

*Придя в храм Дзэнрин,
чтобы полюбоваться цветами,
слушаю сутру под шум бури,
когда в смятенье облетают
лепестки с вишневых деревьев*

Быстротечная жизнь!
Голос бонзы в храме вещает
о юдоли земной —
и, внимая молитвословьям,
на ветру облетают вишни...

Опадают цветы под луной

Если стану потом
вспоминать эту вешнюю ночь,
полумрак, полнолуние,—
заскользят в предрассветных бликах
лепестки с деревьев отцветших...

Дымки по весне

Поздняя весна...
Островки Мацугаура
в дымке голубой,
а взглядишься — дым плывет
над домами рыбаков.

*Над широкой гладью реки
стаями резвятся чайки.
Они выглядят такими счастливыми...*

Даже птицы и те
над рекою резвятся стай —
только мне суждено,
сам не знаю зачем, влачиться
в одиночестве по течению...

*Как и прочие, оставив все дела,
слагаю стихи о запоздалой жаре*

Еще нестерпимей,
чем летний мучительный зной,
жара в эту пору,—
как подумаю, что наступили
дни желанной осенней прохлады...

Еще один вечер

Вот уж краски зари,
расцветившие облачный полог
над вершинами гор,
постепенно тускнеют и блекнут —
надвигается вечер осенний...

*Сложил стихи, когда, погружен
в глубокую задумчивость, созерцал печальную
картину сумерек, и вдруг, очнувшись, понял,
что наступил осенний вечер*

Должно быть, сегодня
утоляют стихами печаль
простые крестьяне
в жалких хижинах под горою...
Опустился вечер осенний.

*Свет осенней луны проникает
сквозь бамбуковую штору*

Льется призрачный свет
сквозь бамбуковую занавеску —
и, по стенам скользя,
расползаются черные тени
силуэтами лап сосновых...

На заре слышу шум осеннего ливня

В безрадостном мире,
где зори проходят как сон,
еще до рассвета
меня, старика, потревожил
мерный шум осеннего ливня...

Коростель у горной хижины

Свистит коростель.
Смещается месяц в просветах
меж редких деревьев.
Только птичья трель нарушает
тишину обитатели горной...

* * *

И белые цапли,
что мне примелькались с утра,
от дальней речушки
уже потянулись к ночлегу...
Сгущается сумрак осенний.

Рассветная луна в окошке

Окно приоткрою
так, чтобы виднелась луна
в светлеющем небе,—
и будто бы легче стало
коротать часы до рассвета...

*Вечером слушаю песню
крестьян в поле*

Удзумаса.
Тихий ропот храмовой рощи.
В полумраке
долетает издали песня,—
верно, в поле все еще сеют...

Пенье кукушки

Бросили якорь
и прислушались — где же она?
А оказалось,
в кронах сосен поет кукушка,
на обрыве, над самым морем.

*Предрассветная луна,
зацепившаяся за горный пик*

Как будто за сосны
на самой далекой горе
луна зацепилась
и повисла, рассветный сумрак
наполняя тусклым мерцаньем...

*В Удзумаса холодной ночью
скулит лисица*

Безлунная ночь.
В старом храме слушаю молча,
как ветер свистит,
барабанит град по карнизам
да от стужи скулит лисица...

К дикому гусю

Тоскливо на сердце,
как будто осенней порой
в тумане белесом
кричит заблудившийся гусь,—
невидим и так одинок...

К вееру

От себя, от себя
мановением выверну веер,
отгоню ветерок —
пусть уносит недуг осенний,
стариковскую хворь и немощь!

Моя жизнь в Удзумаса

В Удзумаса,
в безлюдном урочище горном,
слышен посвист
и вой налетевшего вихря...
Сгущается сумрак осенний.

Рассветная луна над морем

В темных волнах
на равнине бескрайнего моря
меркнет луна —
и заход ее возвещает
окончанье осенней ночи.

Начало осени

Кто без содроганья
встречает порывы его?
В горах и долинах,
окраску листвы изменяя,
проносится ветер осенний...

*В пору жизни моей в Удзумаса
возле дома, касаясь застрехи,
росла высокая сосна, шумевшая
при каждом дуновеньи ветра*

Будто хочет о чем
у старой сосны допытаться —
над застрехой шумит
палетевший с дальней вершины
беспощадный осенний вихрь...

Летний вечер

Праздно взметая
под старыми соснами пыль,
снова сегодня
на закате ветер повеял —
и пахнуло почной прохладой.

В ожидании любимой, обещавшей прийти

Вняв молениям моим,
ты прийти обещала сегодня,
но стемнело уже,
а тебя все нет, дорогая,—
изнываю в думах печальных.

Все догадались

Напрасно стараюсь
любовь от людей утаить —
излишняя скрытность
всем давно уже рассказала
о моих сокровенных чувствах...

Страстная любовь

Случайной росинкой
растаять, грозящая жизнь,
помедли немного!
Весь оставшийся век променяю
на минуту свиданья с милой...

Мост под дождем

Льются струи дождя
с капюшона у пешехода —
над висячим мостом
тучи сгрудились, переправляясь
через речку на тракте Кисо...

Тлен

Копитесь, копитесь,
невзгоды и беды мои!
Недолго осталось —
все равно могильным бурьяном
прорасти этой плоти тленной...

Знойное марево

Вроде бы вот,
а взглядишься — исчезло куда-то...
Так, без следа,
словно знойное марево, тает
наша жизнь в неведомых далях.

Заря

Рокот потока,
сосен разбуженных шум,
лунные блики —
всюду чувствуется предвесье
наступающего рассвета...

Дорога в поле

Наверное, путник,
до свету поднявшись, бредет:
мелькнул на дороге
бамбуковый зонтик и скрылся...
Перелесок сосновый в поле.

*То вблизи, то вдали слышится
журчанье потока при юго-западном ветре*

То приблизится вдруг,
то опять в отдаленье растает
шум струящихся вод
речек Кацура и Оои —
то подует, то стихнет ветер...

*Как-то раз на склоне лет
оказался я в Северных горах
и увидел там валун,
прозванный Зеркало-камень*

Беззубый старик,
отраженья стыжусь своего...
О Зеркало-камень!
Почему не забрел я сюда
в пору юношеских надежд?!

Приглушенный шум потока в ущелье

Едва различим
за гулом бушующих сосен,
сквозь ветер и дождь
из теснины порой допесется
приглушенный рокот потока...

Горная хижина

Никто не тревожит
размеренной жизни моей
в пристанище горном —
как отрадны мне, чудаку,
одиночество и покой!

Жизнь в Удзумаса

Суждено было мне
поселиться в горах Удзумаса —
и стою иногда,
взор вперяя в туманные дали...
Так давно я не видел столицы!

Сосна у горной хижины

Изрядно, однако,
состарилась эта сосна
у ветхой застрехи —
вместе с нею немало зим
скоротали мы в здешних горах...

Облака над хижинкой в горах

Я в безлюдных горах
живу, удалившись от мира,
и прошу облака,
что нависли над ветхой крышей:
«Мой приют надежней укройте!»

*Тяжко скорблю по тем временам,
когда мать была жива*

Жалеть не жалею
о том, что жизнь позади,—
о если бы только
оказаться снова хоть раз
у родительского очага!..

*Каркнула ворона на сосне
возле моего дома, послышался шумный говор
собирающихся на базар*

На соседней сосне
прокричала чуть свет ворона —
и, слышав ее,
торопливо встают, суетятся,
собираются в город крестьяне...

Слагаю стихи на тему древних речений

Эту бrenную плоть,
что росой на ветру испарится,
не оставив следа,
мы привыкли считать нетленной,
сотворенной на тысячелетья!..

* * *

Убогая старость —
отныне удел чудака
из хижины горной.
Ни на что уже не годится
слабосильное, хилое тело...

* * *

Бывает порой,
забудусь в глубоком раздумье —
и вот дотемна
сам с собою веду беседу,
что-то спрашиваю, отвечаю...

Храм Кёхондзи

И сколько же душ
переправится только сегодня
на берег иной...
У моста в придорожном храме
голос колокола спозаранку.

Гора Барабан

Отзвук прошлых веков
не смолкает в раскатистом гуле,
о Цудзуми-гора! —
Пусть с подножья до самой вершины
ты покровом укутана мшистым...

Странствия

Не сыщешь приюта
в просторах безлюдных полей,
в бамбуковых дебрях...
Неужели и нынче ночью
снова класть траву в изголовье?

*Глядя в книгу,
со скорбью вспоминаю о минувшем*

Сгущается тьма,
но не стоит огней зажигать —
еще беспросветней
станет сумрак ночи осенней
от светильника под окошком...

*Преходящие сны
в призрачном мире*

Право, не знаю,
что больше обманов таит
и непостоянства —
сны хмельные ночной порой
или этот призрачный мир?..

*Одинокий досуг
под сенью леса*

По склону спускаюсь,
кленовые листья топчу.
В лесу у подножья
прокричит случайная птица —
и опять безмолвие всюду.

* * *

Всем хочется знать:
«А так ли, как нужно и должно,
ты прожил свой век?» —
В праздных думах перебираю
дней минувших долгие четки...

* * *

Тускло светит луна.
Вспоминаю все ночи былые,
что с друзьями провел,
и в печали осенних раздумий
до рассвета часы коротаю...

Посвист птиц

И птица, должно быть,
о чем-то желая сказать,
щебечет на ветке —
о, если б на таинство речи
язык свой она обменяла!..

*Спрашиваю себя, сколько же лет
отпущено человеку*

Ничего не свершив,
не дождавшись цветения вишен,
прожил семьдесят пять
зим и весен на белом свете —
даже стыдно назвать свои годы...

Луна над деревней

В лунное небо
дружно летят завывающья
псов деревенских.
До утра притихли крестьяне
там, во тьме у подножья Удзи.

*Существует в мире Путь Слов,
и заключено в нем много премудрости;
я полагаю, следует учиться выражать все,
что чувствуем мы сердцем,
избегая при этом мирской скверны*

Пусть во прахе мирском
затерялись слова нашей речи,—
не погибли они,
и единственно непреложен
Путь бесхитростных слов Ямато!

Высказываю мысли о пережитом

От тяжких забот
так безмерно устало сердце —
и все же грущу,
понимая, что нет возврата
годам, прожитым в мире бренном...

Думы и чувства на рассвете

Гляжу на восток —
и все, чем отравлено сердце,
упосится прочь.
В небесах над розовой кромкой
блекнут месяца очертанья...

Луна над разрушенным храмом

Куски черепицы,
разорванный полог провис —
а бронзовый Будда
все так же неколебимо
стоит в сиянии лунном...

Мольба к Будде—Дарителю отрады

От мучений стиха,
боли поисков нужного слова,
умоляю, избавь,
о всемилостивейший Будда,
бескорыстный Даритель отрады!

Сокровенные чаяния при молитве

Молюсь, неразумный,
чтоб сотни и тысячи лет,
на вечные веки
возвышались в краю Ямато
эти горы над островами...

Вечер

Вот и солнце
над облачною грядюю
потускнело,
незаметно клонясь к закату,—
наступает вечер осенний...

Луна над Акасака

Быть может, слабее
сиянье осенней луны,
чем прежде казалось? —
Нет, то взор пеленой застилают
стариковские мои слезы...

В храме Синсэй

Службу справляя,
сосны поют на ветру
с тяжким надрывом —
будто мукой душевной объаты,
разрыдались над сутрой монахи...

*С горечью смотрю, как осыпаются
цветы вишни у хижины*

Все ночи и дни
я ждал: ну когда же, когда же
они зацветут?!
А соцветья желанные вишен
оппадают, едва распустившись...

*Любуюсь изо дня в день
и все не могу наглядеться*

Казалось, не в силах
угасшее сердце прельстить
ничто в этом мире —
и опять как будто цепями
я прикован к вишням цветущим...

* * *

Бессильному старцу,
чей век с каждым днем все темней,
все ближе к закату,—
что проку скорбеть и томиться
торжеством весны уходящей!..

*В старости болит у меня левый локоть,
так что ни днем, ни ночью
не знаю покоя и жестоко страдаю*

Ну, старость пришла!
Донимает проклятый локоть,
и в левой руке
даже лук держать не под силу —
впору лишь кряхтеть да кривиться..

Вечер в горной хижине

Закатное солнце
тускнеет в просветах листвы,
за горы склоняясь.
Сквозь туман донесся чуть слышно
голос колокола из долины..

В глухих дебрях не встретишь человека

С незапамятных лет
не ступала нога человека
в этой чаще лесной —
чуть заметны под прелой листвою,
пролегли звериные тропы...

Сердце

Все, что на языке,
исходит от нашего сердца,
но какая же речь
людям даст заветное слово,
чтобы сущность сердца поведать?..

*В думах о том, как праздно
встречаю еще один рассвет*

На западе — мрак,
на востоке брезжит сиянье...
О, если бы знать,
сколько раз еще в этом мире
для меня поднимется солнце!

Рёкан

* * *

Непостоянство —
нашего мира основа.
Не потому ли
грустью исполнены песни
тех, чей удел — угасаше?..

* * *

Все холоднее
осенние долгие ночи.
Вот и сверчки
по-новому заверещали
там, за калиткой садовой...

* * *

Видел я нынче
в горной долине сосну
около грота,—
верно, невесело ей
пору дождей коротать...

* * *

Явью ли были
или обманчивым сном
древних деянья?
Ночь провожу я в раздумье,
долгому ливню внимая...

* * *

Ветер, веющий с гор,
нынче почью умерь свою силу!
От жилья вдалеке
сном тревожным забылся странник,
постелив траву в изголовье...

* * *

Приятно порой
на солнце весеннем погреться —
к сельчанам подсесть
и мирно под старую ивой
с друзьями вести разговоры...

* * *

О кукушка!
Внимая напевам твоим,
так печально
провожу я нынешний день
в этом диком горном краю...

Сложено на горе Куками

Вот и навестил
свой заброшенный приют.
Домик обветшал,
Палисадник и плетень
сплошь усыпаны листвою...

* * *

Подумал сперва:
на землю спускаясь с небес,
белеют снежинки,
и что ж — оказалось, летят
с вишневых деревьев лепестки...

* * *

Быть может, и ей
тревоги мирские не чужды...
Укрывшись в ветвях,
без устали кличет кукушка
и места себе не находит.

* * *

Как незаметно
день этот долгий прошел!
Вешняя дымка...
Я с детворой деревенской
в мячик на нитке играю.

* * *

Ну вот наконец
и пришла долгожданная осень —
повсюду в траве
сегодня вечерней порою
печально сверчки напевают...

* * *

Ярко светит луна.
Я в ночь выхожу — любоваться
ширью летних полей.
У подножья горы, в отдаленье
пролегла полоска тумана...

* * *

Как сердце цемит!
Сегодня на горной поляне
в сгустившейся мгле
ведут свою песню лягушки
почти что у самого дома...

* * *

Осень подходит.
Холодно мне, старику,
в летней одежде.
Видно, и кленам в горах
время покровы менять...

* * *

Все глуше во тьме
последних цикад голоса,
и каждую ночь
все яростней ветер ревет
над кровлей лачуги моей...

* * *

Право, не знаю,
как оказался опять
в хижине ветхой,—
верно, по старым следам
сердце меня привело...

Гостю, посетившему мою хижину

Пусть барабанит
ливень по стенам и кровле
хижины горной —
из-за ненастья
ты возвращенье отсрочишь
и погостишь хоть немного!

* * *

Ночью осенней
слушаю, глаз не смыкая,
песню печали —
где-то в окрестных ущельях
бродит олень одинокий...

* * *

Здесь, в горной глуши,
где путника встретишь едва ли,
весь день напролет
цикады протяжно стрекочут
под пологом летнего леса...

* * *

Вот и затишье.
Из дому я выхожу
полюбоваться —
как заблестела вдали
зелень омытых вершин!

* * *

Вновь я проведал
свой позабытый приют
в горном селенье.
Глядь — цувабуки цветок
подле ограды расцвел...

Подпись к автопортрету

Хотя никогда
я жизни мирской не чурался,
но, правду сказать,
намного приятней в покое
вкушать одиночества прелесть...

К автопортрету дзэнского монаха Бу Дай

Захочешь постичь
блаженного старца природу
и свойства души —
поведает истину ветер,
что веет в просторах небесных...

Снова увидел родные края

Есть ли на свете
что-либо, чью красоту
время не точит?
Только цветущие вишни
вечно прекрасны весной...

*Земляк обещал прийти ко мне
полюбоваться цветами ямабуки,
но напрасно ждал я его в пору цветенья —
розы уже стали осыпаться...*

Так незаметно
поблек и осыпался цвет
роз ямабуки, —
а земляка из деревни,
верно, уже не дожждаться...

Старец Басё

Тяжко нам, смертным,
век вековать без бумаги,
кисти да туши —
нынче одолжишься в храме,
завтра врача потревожишь...

* * *

Сердцу приволье!
Густо кругом разрослись
летние травы.
Вот и жилище мое —
хижина в горном краю...

* * *

Вдвое печальней
кажутся осенью горы
в нашей округе —
неумолимо с деревьев
ветер листву осыпает...

*На склоне лет
смотрюсь в зеркало*

Раньше, бывало,
видел я снег поутру
только зимою...
Время, наверно, пришло —
снег у меня в волосах!

Надпись на веере

Пусть неприметен
мой одинокий приют
в поле осеннем...
Слышишь, запели сверчки.
Жду тебя, друг,— приходи!

* * *

Как хорошо,
загодя дров нарубив,
ночь напролет
праздно лежать у костра
с чаркой простого сакэ!..

Написано в 74 года

Кому рассказать,
как нынешней осенью поздней
уныло бреду
под вечер в лачугу свою
с корзинкой травы-лебеда?..

* * *

Тоскою охвачен,
из хижины я выхожу.
На рисовом поле
легли налитые колосья
под натиском горного вихря...

* * *

Если и дальше
будут дожди поливать,
скоро приют мой
станет окраской сродни
кленам в окрестных лесах...

* * *

Ночью и днем
ветер осенний ярится —
знаю, ничто
в этом изменчивом мире
сердце мое не встревожит...

* * *

Багряной листвою
знакомые склоны Куками
расцвечены вновь,
но скоро нагрянет с вершины
неистовый вихрь осенний...

* * *

Во веки веков
богам я хотел бы служить,
в затерянный храм
тропинкой лесной проходя
над кручею Ияхикó...

*Проснулся, увидев во сне
брата Ёсиюки*

Кто знает, откуда
пришел ты сегодня ко мне
тропой сновидений,
хотя на тропинке в горах
сугробами путь прегражден...

Шум сосен

Где-то в селенье,
должно быть, гремят барабаны,
флейты играют,
а в горах лишь одно услышишь —
заунывную песню сосен...

Соловьиные трели

Топор прихватив,
отправился я по дрова
в окрестные горы,—
а там под каждым кустом
заливается соловей!..

Лунная ночь

Пойте, что же вы!
Спойте мне, а я спляшу —
как же можно спать
в эту радостную ночь,
ночь сияющей луны?!

Плошечка для подаянья

У тропинки лесной,
собирая сегодня фиалки,
я оставил в траве
свою плошечку для подаянья,
свою мисочку там я забыл...

* * *

Воды натаскать,
да дров нарубить побольше,
да трав засушить,
покамест не зарядили
осенние долгие ливни...

Птица в клетке

Высоко в облаках
он привык распевать и резвиться,
этот жаворонок, —
а сегодня из тесной клетки
нам приход весны возвещает...

* * *

Погреться хотел,
придвинувшись ближе к жаровне,
но только залег —
и будто мороз зимней ночи
сильней по нутру разошелся...

* * *

В провинции Ки
под сводами старого храма
на Коя-горе
всю ночь шуму ливня внимаю,
шуршанью в ветвях криптомерий...

* * *

Как хорошо,
в шалаше растянувшись на сене,
слушать лягушек,
что перекличку заводят
где-то по горным лужайкам...

* * *

В беззвездную ночь
не спят, беспокоятся утки,
стернею шурша
на соседнем рисовом поле,—
пронимает холод осенний!..

* * *

Я в плоску свою
пучок одуванчиков сунул,
фиалок набрал —
вот и славное будет нынче
Будде трех миров подношение...

Стихотворение на полосе бумаги

О, как пышно цветет
патриция передо мною
в каплях светлой росы!
Что ж, сорву и верному другу
отошлю эту ветвь с приветом...

*Снова сложил стихи,
скорбя об осенних листьях*

Хотя бы сегодня
не дуй так свирепо с высот,
о ветер осенний!
Пожалей последние листья
в замерзающей горной роще...

* * *

День, ночь, снова день —
и вот настает середина
десятой луны.
Помаленьку, глядишь, и прожил
осень этого долгого года...

* * *

Вихрь осенний,
как будто терзая врага,
листья срывает —
к дверце лачуги моей
ворох прибить норовит...

* * *

Солнце в небе
на запад давно склонилось.
Долог путь
через лес до хижин горной.
Тяжела на плече котомка...

*Глядя на надпись,
сделанную отцом*

Следы его кисти
сквозь слезы почти не видны.
Опять вспоминаю
те давно минувшие годы —
и черты отца предо мною...

* * *

И посочинял бы,
и в мяч бы охотно сыграл,
и вышел бы в поле —
да никак изо всех занятий
не могу на одно решиться!..

* * *

Глицинии куст
прошлой осенью пересадил я,
а нынче гляжу —
в каплях чистой росы на рассвете
зацвели, раскрылись бутоны!

Ваки

Из многих и многих
пикчемных привычных вещей
в моем обиходе
для иных веков предназначен
только след, оставленный кистью...

*Под вечер перевалив
через вершину холма*

Когда бы сосна,
чернеющая в полумраке
на склоне холма,
оказалась вдруг человеком,—
мы б о древности потолковали...

* * *

День за днем, день за днем
поливают осенние ливни,
а старик под горой
все маячит с рассвета в поле,—
видно, с жатвою припоздился...

* * *

Новенький мячик
знакомая мне подарила.
Дергаю нитку,
скачки да прихлопы считаю —
вот и день почитай что прожит!..

* * *

Гляжу на цветы,
а сердце не знает покоя —
и вместо того
чтобы вешней красой наслаждаться,
предаюсь печальным раздумьям...

Вака

Нашел я приют
на задворках богатого дома.
Не гонят пока,
и живу себе — поживаю
ночь да день, а там и еще день...

Надпись на трехстворчатом складне

Стоит ли, право,
радоваться, что уйдешь,
с жизнью простившись,
в мир иной — пусть даже в обитель
самого пресветлого Будды?..

* * *

Поистине, сердце
себя же сбивает с Пути,
строптивное сердце...
Натяни же крепче поводья,
обуздай свою клячу-сердце!

* * *

Не стоит труда
заботиться и волноваться
о том да о сем —
ведь недаром обет всеспасенья
дал когда-то Амида-Будда!..

Надпись на веере

Никому не дано
прикоснуться к Пути Благодати,
осязать его суть,
но в каждом вздохе и мановенье —
непреложная мудрость Будды...

* * *

Право, мне повезло,
что таким вот, как есть, неказистым,
появился на свет —
уповаю на исполненье
принесенного Буддой обета...

Два шуточных стихотворения

Больше всего
полюбился мне в этом мире
вкусный моллюск
из ракушек садзагатакэ —
тех, что водятся у побережья.

* * *

Если нынче с утра
не отвергнет мой приношенья
повелитель морей,—
может быть, наконец сподоблюсь
наловить ракушек к обеду!..

* * *

С незапамятных лет
не меняется эта картина:
берег, камни, прибой
и вдали — из моря встающий
смутный контур острова Садо...

* * *

Что тревожиться зря,
изводить заботами сердце,
если с часу на час
можно ждать исполненья обета
всеблагого Амиды-Будды!..

* * *

Здесь, на земле,
живем ли мы так или этак —
что во дворце,
что в шалаше из соломы —
всем один копец уготован...

Весенняя песня

Откуда явилась
в зеленом убранстве весна?
Я дверцу открою
и выйду из хижины в ночь,
чтоб глаз до зари не смыкать...

*Утá на веере
на тему о приходе друга*

Приходи поскорей
любоваться бананом близ дома —
будет, право, так жаль,
если ветер осенний растреплет,
разорвет исполинские листья!..

Три вака, обращенные к Ю Ямамото

* * *

Стариковский досуг
в час бессонный нынешней ночью
ты поделишь со мной..
Труден был твой путь от селенья
по крутым, извилистым тропам.

* * *

Что ж, после того
как я показал тебе горы
во всей их красе,—
не жалею, пусть обрывает
листья с кленов ветер осенний!

* * *

Сколько дивных даров
своего благодатного сада
ты сегодня принес!
Пусть послужат сперва, пожалуй,
Будде трех миров подношеньем...

* * *

О сливовый цвет,
Хоть ты стариковскому сердцу
отраду верни!
Сколько лет, как на этом свете
у меня друзей не осталось...

*Слагаю стихи
об осенних листьях
в гербарии*

Там поставлю
красные листья в вазу,
тут наклею
желтый лист на бумагу...
Так, слагая
стихи о кленовых листьях,
провожу я
осень в хижине горной.

*Сочинил, придя на могилу
преподобного Сайгё
и возложив цветы*

Не богаче иных
окраской и благоуханьем,
ветка вишни в цвету, —
но тебе и того довольно,
чтоб постичь скорбящее сердце!..

* * *

Видно, век доживать
суждено мне в здешних пределах,
на Куками-горе,
в ветхом доме под сенью рощи
при старинном храме Отбого...

* * *

Вдруг как никогда
уныньем повеяла осень —
сквозь плотную мглу
слышу, ливень нещадно хлещет
по зеленым росткам бамбука...

* * *

Вишни ранней весной,
а осенью буйные травы —
вот услада моя,
и пускай хоть всю ночь гуляют,
веселятся в селе крестьяне!..

* * *

Едва прояснилось —
и снова темнеет от туч
осеннее небо...
Не так ли бывает с душою
в текучем, изменчивом мире?..

* * *

Хорошо отдохнуть
в тишине этой хижины горной,
меж деревьев и скал,
под прохладным покровом рощи.
Посох в сторону отставляю...

* * *

Теперь уж едва ли
сельчане меня навелят —
на дальних вершинах
и на ближних отрогах гор
неприступно белеет снег...

* * *

Пути Благодати
постичь мне и впрямь не дано —
вчера и сегодня
так бездарно часы досуга
пролетели в хижине горной!..

* * *

Поглядев на цветы,
вспоминаешь: ничто в этом мире
не пребудет вовек —
и цветы, что позже раскрылись,
все равно опадут, увянут...

* * *

Ни звука не слышно
за толстой дощатой стеной,
но, глядя на небо,
я догадываюсь, что нынче
непреренно быть снегопаду...

* * *

Все на свете презрев,
об одном помышляй неизменно,
днем и ночью радей —
как проведать в жизни земной
тайну Истинного Пути...

* * *

Как суетна мысль
изрекшего: «Я существую!» —
Что можно сказать
о никчемной, призрачной плоти
в мире вечного наважденья?..

* * *

Голос кукушки
донесся из зелени крон
в рощице горной —
и по этой нехитрой трели
я узнал: весна миновала...

Белый снег

Пускай похоронит
тропинку в горах снегопад —
какое мне дело!
Я ведь знаю, что пикогда,
даже в ясный солнечный день,
ты меня навестить не придешь...

Брату Есиюки

В лачуге своей,
делами заняться не в силах,
тревожусь и жду:
ведь давно уж в горах стемнело,
а тебя все нет почему-то...

* * *

Нынешней ночью,
должно быть, примяты дождем,
цвет осыпают
запоздалые желтые хаги
там, у берега Фурукава...

* * *

Скоро, скоро уже
ударят ночные морозы —
неспроста целый день
верещит в траве, причитает
беспокойный сверчок-узорчатка...

* * *

Я оставил вчера
свою плошечку для подаянья —
и никто не украл,
и никто на нее не польстился!
Видно, слишком уж неказиста...

* * *

«Ветер так свеж,
луна так светла на небе —
вот бы сейчас
поплясать с сельчанами вместе!»
Что-то блажь старика одолела...

* * *

Грустно смотреть,
как один за другим облетают
хаги цветы
на просторах осенней равнины,
содрогающейся от ветра...

* * *

Если спросят меня,
презревшего пагубу плоти,
как на свете прожить, —
отвечаю: да будь что будет!
Дождь так дождь, ветер так ветер!

* * *

Еще неразумней,
чем числа писать на воде,—
по жизни влачиться,
подвергая все сомненьям
правоту учения Будды...

* * *

Человеческий век
подобен единому мигу,
дню цветенья вьюнка...
Ничего мне в жизни не надо,
кроме жизни — той, что имею!

* * *

Словно водоросли,
что без дела колышутся в море
то туда, то сюда,—
прожил я вчера и сегодня,
проживу, должно быть, и завтра...

* * *

Слышал я, что есть
еще не погрязшие в прахе
божественных догм,—
но воочию видеть такого
мне ни разу не доводилось!

* * *

Все дела позабыв,
высшей цели я должен достигнуть —
причаститься Пути!
Пусть всего лишь на день единый
после тысячи лет исканий...

* * *

Если спросят меня,
где обитель моя в этом мире,
я отвечу одно:
«Мой приют к востоку от моста
через воды Реки Небесной...»

* * *

Помышляй лишь о том,
что нынешний день уготовил,
настоящим живи,
ибо прошлое необратимо,
а грядущее непостижимо...

Завещание

После себя
что я оставлю на свете?
Вишни — весне,
лету — голос кукушки,
осени — алые клены...

Кагава Кагэки

Соловей у горной хижины

Печалью весны
сквозь дверцу плетеную веет.
В безмолвии гор
отдаются протяжным эхом
соловьиные переливы...

Молодая листва над рекой

Зеленые листья
плакучих раскидистых ив
над гладью протоки
незаметно соединились
с утопающим отраженьем...

Цветы сливы у горной хижиньы

В дальнем горном краю,
где зимней порой ураганы
наевали печаль,
вся округа благоухает
ароматом цветущей сливы...

* * *

Должно быть, друзья
боятся, что снег не растаял,
зайти не спешат...
А слива у хижиньы горной
белеет не снегом — цветами!

Перелетные гуси поздней ночью

Ночью весенней
в тусклом сиянье луны
я просыпаюсь.
Как на душе тяжело!
Крик перелетных гусей...

Цветы в знакомых местах

Уж нет на земле
того, кто со мною на вишни
весною глядел,—
ах, с кем любоваться теперь
цветами в родимом краю?..

Распускаются и опадают цветы

В эту горную глушь
любоваться цветением вишен
не заманишь друзей —
распускаясь и отцветая,
облетят цветы сиротливо...

*Опадают цветы вишни
поздней весной*

Верно, к исходу
стала клониться весна —
в вышних просторах
путь ее мне указуют
лепестков кружащие стаи...

Все меньше цветов остается

Вишни в вешней красе,
но время цветенья не вечно —
и все меньше цветов
с каждой новой зарей остается
для меня в этом бренном мире...

«Зимняя отрада»

К речке Итэно́тама,
что в области Ямаси́рб,
наклонился напиться —
и увидел себя под сенью
желтых роз в прозрачных глубинах...

Вспоминаю друзей

Нынче ночью опять
в одиночестве я на веранде,—
не спросить ли луну,
где друзья, что со мною рядом
прошлой осенью здесь сидели?..

Летняя луна

Летняя ночь.
Густо листвою укрыты
горные склоны —
даже сиянье луны
меркнет во мраке лесов...

Светлячки над ряской

Будто под ветром,
зыбью подернулся лик
ряски болотной —
носятся рой светлячков
над бочагами в горах...

Спасенье от жары

Сколько помню себя,
не бывало подобного некла —
даже в самой тени
не найти от жары спасенья!
Буду мучиться, задыхаясь...

Роса

Гляжу я в печали...
Под вечер влажны от росы
деревья и травы.
Как мало, воистину, люди
о сути вещей размышляют!

Кузнечики

На увядшем лугу
кузнечиков стрекот под вечер,
несмолкаемый хор —
как пронзительна и безнадежна
эта песня тоски осенней!

Слышу сверчка у изголовья

Проснулся я ночью:
под ухом сверчок верещит,
хотя в изголовье —
не травы с окрестных лугов,
ночлег мой — не отдых в пути...

Осенний вечер в родных краях

Хотел бы я знать,
каков этот вечер осенний
в родимых краях...
Или так же, как в старину,
осень сеет одну лишь печаль?..

Осенний дождь

Метелки бурьяна
у хижины в рост поднялись —
кончается осень.
Остывает закатный отсвет
в дождевых разреженных струйках...

Дождь на горной дороге

Ведь это же ливень
начинается там, вдалеке!
А я-то подумал,
будто с гор Судзюка туман
на дорогу завесой лег...

На рассвете показалась луна

Я решил, что луна
из-за туч наконец-то выходит,
но ошибка моя
все яснее с каждой минутой —
занимается день на востоке...

В одиночестве смотрю на луну

Представляется мне,
что один в целом мире люблюсь
светом полной луны,—
но, конечно, никто не в силах
пренебречь этим дивным сияньем...

Цветы вишни в четвертую луну

Свет разливает
вишня в саду под окном
вешним цветеньем —
о, если б видел сосед
отблеск луны на ветвях!

Ясная луна над горами

Все сосны в горах
уже обрели очертанья,
и ветви видны
до самой последней иголки —
светел месяц осенней ночью...

*Глядя на луну,
вспоминаю о родном крае*

«Где он сегодня?» —
гадает, должно быть, луна,
выйдя на небо
родины дальней моей
в эту погожую ночь...

Луна над заливом

Месяц, наверно,
выбирается из-за горы —
вот заиграли
отблески первых лучей
в волнах залива Сумá...

Вешнее поле

Вешнее поле...
Полнится счастьем душа.
Стоило только
бабочку мне поманить —
и подлетела на зов!

Горная вишня

Лунным сияньем
залита вишня в горах.
Вижу, под ветром
ветви в движенье пришли,—
значит, цветы опадут?..

*В год, когда особо страдал от болезни,
встречаю луну 13-го дня 9-го месяца*

Мне казалось, в живых
недолго пребуду, и все же
снова осень пришла,
снова ночь напролет люблюсь
полнолунием в бренном мире...

Гуси над горной хижинкой

За оградой, в горах
отцветают и блекнут хаги.
Вереница гусей
потянулась с криком протяжным —
вот и год уже на исходе...

* * *

С тех пор как прозрел
и понял, что туче плывущей
подобен наш мир,—
рукава расшитого платья
орошаю вечно слезами...

Снег над рекой

Морозная ночь.
Рокочет вода на порогах.
Должно быть, сейчас
хлопья снега тихо ложатся
там, в ущелье реки Оокава...

*Опавшие листья у хижины,
где коротаю досуг*

Возле самых ворот,
где нога человека, похоже,
не ступала с утра,
на опавшей листве павлоний
росной влаги прозрачный отблеск...

* * *

Со вчерашнего дня
не стихает над Асука ливень —
и зеленой листвою
на глазах у меня покрылись
склоны дальних холмов Маюми...

* * *

Как бабочки, кружат
опавших цветов лепестки
в свободном полете —
неужели весне подвластно
даже таинство снегопада?..

Снег вокруг горной хижины

Все выше и выше
в горах оседающий снег —
все чаще и чаще
неволью припоминаю
о том, что год на исходе...

Досужие беседы у очага

Мы вечер проводим
вкруг жарких углей очага,
в тепле и уюте, —
даже лад старинных сказаний
по-весеннему благодушен...

* * *

Хотя ни к чему,
кроме угольев этих в жаровне,
душа не лежит,
но взглянул — и залюбовался
красотой горы Сиратори...

Конец года

Беспечно и праздно
я месяц за месяцем жил,
но время приспело —
и задумался вместе со всеми
о делах минувшего года...

Снегопад в конце года

Белые хлопья
в просторе предвечных небес
тихо кружатся —
вот уже, как видно, и прожит
целый год из недолгой жизни...

* * *

Брожу допоздна
и все не могу наглядеться —
как месяц хорош
в обрамленье облачной дымки
над сосновым бором в долине!

* * *

Вчера и сегодня
под вишнями в вешнем цвету
печально гадаю:
неужели бесследно канут
дней моих весенние зори?..

* * *

Опадают цветы
горных вишен по склонам отлогим —
неизвестно, зачем
существуют они в этом мире,
ничьего не радуя взора...

* * *

Нынче не различить
облетевших цветов аромата —
но пленили меня
облака над горной вершиной,
белизною с цветами схожи...

* * *

Ночной ветерок
по колосьям прошелся чуть слышно —
и словно в ответ
закружились, тускло мерцая,
светляки над пшеничным полем...

* * *

Сияет луна
безоблачной ночью весенней —
и кажется мне,
что не тени устлали землю,
а опавшие листья павлоний...

* * *

Короткая ночь.
Тьма все гуще, все ближе утро,—
но как никогда
слышен шум быстрин Камогава,
виден месяц на небосводе...

Утро

Открываю глаза —
и заветные думы ночные
улетучились вмиг.
Поутру так невыносима
пустоты беспредельность в сердце!..

* * *

Ветер, прянувший с гор,
свирепо бесчинствует в соснах
над приютом моим —
о приходе зимы возвещает
завыванье осенней бури...

* * *

Значит, время пришло:
уныло, по-зимнему сеет
нескончаемый дождь —
и бывшего очарованья
не вернуть оголенным кленам...

* * *

Как сиротливо
зиму встречает в горах
мой палисадник!
Прибывая палые листья,
день и ночь дожди поливают...

* * *

Мне впервые дано
оценить одиночества прелесть
этим утром — и вот
незапятнанной, перевозданной
чистотою снега люблюсь...

* * *

Ну что же, пора
итожить обширные планы —
все ближе тот день,
когда за третий десяток
года мои перевалят...

* * *

Всю влагу до капли,
как видно, решила стряхнуть
сосна перед домом —
вновь и вновь неистово хлещут
в дверь мою дождевые брызги...

* * *

Разливается вширь
вечерний туман с Камогава —
и уже не понять,
где сейчас кварталы столицы,
где реки белесое ложе...

* * *

Даже звери в лесах
объясняются между собою,
но кому на земле
суждено осознать и постигнуть
Речи истинное величье?..

*Днем и ночью
в раздумьях о былой любви*

По прошествии лет
слились для меня воедино
явь и радужный сон —
днем и ночью душу тревожат
о минувшем воспоминанья...

* * *

Я думал в горах
от горестей брэнного мира
спасенье найти —
но и здесь под игом сомнений
с каждым днем на глазах старею...

*Сложил, покинув свое жилище
и на время переселившись
в павильон Любования утками*

Едва ли не больше,
чем в самых высоких горах,
для сердца сокрыто
вечных истин и откровений
в толчее городского базара...

Горная хижина

Поселившись в горах,
проводил я дни в созерцанье —
и познал наконец
всю тщету быстротечной жизни,
облакам и водам подобной...

* * *

Поле проса, где тигр
притаился у самой тропинки
меж колосьев густых,
на ветру слегка шелестящих,—
вот он, образ нашего мира!

Осень в горной хижине

Обитателем гор
мне давно уже стать подобает,
опроститься душой —
отчего же печальные думы
вновь наваял ветер осенний?..

* * *

О, если бы мне
сердце вешее, чтобы сумело
без обыденных слов
объяснить друзьям, для чего же
здесь живу отшельником горным!..

Сны в обители отдохновения

От мира вдали
Я пристанище выбрал по нраву
в лесистых горах,
где соблазном земных влечений
даже сны не смущают душу...

*Горную хижину
редко навещают гости*

Покрываются мхом
полусгнившие доски порога
в обветшалом жилье —
слишком редко бывают гости
здесь, под кровом хижины горной...

Куры

Плетеная клетка,
где куры, набившись битком,
живут на откорме, —
таким представляется мне
наш благополучный мир...

Светильник под окном

Отворяю окно,
чтоб луною полюбоваться,—
и мгновенно погас,
растворился во мраке светильник,
наделенный, как видно, душою...

Странствия

Трава в изголовье
да полог холодных небес...
Угрюма дорога —
ни души я не знаю
в здешних горах и долах!

Рассуждение

Вот такую-то жизнь
без забот, без тревог, без печалей,
в окружении гор —
и могу я назвать, пожалуй,
жизнью, не обделенной счастьем...

* * *

Конечно, не всё
так гладко в домах у соседей,
как думалось мне,—
только со стороны отрадна
и безоблачна жизнь чужая...

Рассуждение

Если с рассветом
снова придется вставать,—
право, не знаю,
для чего ж тогда понапрасну
засыпать с наступленьем ночи?..

Раздумья в одиночестве

Деревья и травы
мне шепчут о чем-то своем —
и лепет неясный
пробуждает в глубинах сердца
потайные, заветные думы...

Рассуждение о древности

Мелькают картины
далеких минувших веков
пред мысленным взором —
как печально мечтать о мире,
что навеки в прошлое канул!..

Рассуждаю о прошлом в связи со снами

Чем старей становлюсь,
тем отчетливей прошлого лики
в сновиденьях ночных —
засыпаю, чтобы душою
вновь и вновь устремиться в юность...

Непостоянство

«Все сущее — явь,
не-сущее — сон, наваждение!»
Так думаем мы,
забывая, что жизнь в этом мире
есть всего лишь жизнь в этом мире...

*В моей хижине, вдали от мира,
принесли мы друг другу
обет дружбы, но года не прошло,
как я услышал, что мастера
уже нет в живых,
и, потрясенный, сложил стихи*

Вот прозвучал
в тишине мой собственный голос —
раз, еще раз,—
но кому ответствует он,
праздник, словно эхо в горах?..

*В похвалу картине
с изображением щенка
из дзэнского храма Нангаси*

Я знаю, души
у щенка, да еще на картине,
конечно же, нет —
и все же спрошу, пожалуй:
а вдруг душа отзовется?!..

Старцу Басё

Пусть я не постиг
сокровенной глубины
Старого пруда —
но поныне различаю
всплески в тишине...

*Сижу с курильницей
для благовоний в виде кошки,
наподобие принадлежавшей Сайгё*

Сердца порывы
тщетно стремятся к небу
вместе с клубами
благовонных курений —
словно дымок над Фудзи...

К портрету Дарума на стене

Как ни старайся
от праздных влечений уйти,
снова и снова
и к луне, и к вишням цветущим
обратишься ты в бренном мире...

Обращаясь к памяти Бу Дай

«Нет меня», — говорил он,
«Аз есьмь!» — в стихах возглашал.
Жил, не зная печали,
изо всех житейских напастей
для души извлекая благо...

*С тенью преподобного Сайгё
беседую о его желании встретить
смерть под весенней луной*

В мире ином
так ли сбылись твои грезы,
как на земле?
Ведь из жизни ушел ты весною
в полнолуние, под сенью вишен...

*Очугившись в прохладе роши Тадасу,
предаюсь раздумьям*

В мире огромном,
как лилии в водах реки,
жизни людские —
распускаются и увядают,
увлекаемые теченьем...

*Не спится мне ночью на исходе 6-го месяца,
когда уже понемногу начинается
рассеиваться мрак*

Летние мошки
на пламя лампы летят —
к смерти стремятся,
торомя и тесня друг друга,
словно жалкие наши подбья...

* * *

К ущербной луне,
потускневшей в преддверье рассвета,
прикован мой взор —
жаль, так мало ночей осталось
под луною жить в этом мире!..

*Расстроенный, вспоминаю,
как слушал пенье сверчка*

Голос издалека...
Но как же был он мне близок,
тот сверчок на сосне!
А теперь и его не стало —
знаю, осень всему виною...

* * *

В белом тумане
тонет обитель моя
меж скал нависших —
проводи хоть ты до порога,
тусклый месяц осенней ночи!..

*Пришел к реке Сиракава
оплакивать осенние листья*

Как радует слух
проворной речушки журчанье!
Над самой водой
саранча в камышах мелькает.
Поживу-ка я здесь немного...

* * *

Смотрю, как луна
восходит вдали над горами,
сиянье струя,—
и впервые в кромешном мраке
самого себя различаю...

*Снежным утром, после того
как передали мне привет от Роана,
посылаю ему ветвь сливы
с еще не распустившимися цветами*

Я решил поутру,
что цветы так украсили сливу,
а не выпавший снег,—
но, увы, поднес мне прислужник
ветку сплошь в набухших бутонах!..

Утá в жанре х а й к а й

В сиянье луны
из рощи, давно позабывшей
о летних ночах,
мне на радость и удивленье —
одинокий голос цикады...

Ива и уходящие годы

Пролетают года.
Люди старятся и умирают —
но весенней порой,
как всегда, на привычном месте
ждет меня зеленая ива...

Поздние цветы горной вишни

До сих пор по утрам
будто веет в душе ароматом —
вспоминаю цветы,
что так долго не опадали
на деревьях по склонам горным.

Немного цветов остается

Если счесть до конца,
без остатка, грядущие весны
краткой жизни моей,—
как немного в них наберется
лепестков отцветающих вишен!..

Цветы у старого храма

Тот, кто пыль городов
отринул и на гору Коя
от соблазнов ушел,—
верно, только в цветах опавших
видел он щемящую прелесть...

Легняя луна напоминает осеннюю

Под ветром ночным
колышутся листья павлоний,
скрывая луну,—
знаю, знаю, скоро наступит
день осеннего листопада...

Луна над старым храмом

Видно, пора —
над кипарисовой рощей
месяц повис,
замутненный дымкой весенней.
Колокольный звон на рассвете...

Ласточки

Мы слова сказать
друг другу, конечно, не сможем,—
а все ж хорошо
знакомых ласточек встретить
вдали от родного дома!..

Сосны и луна

Уже проступили
сквозь тьму очертания сосен —
и только луна
пока не спешит появиться,
укрывшись за горной вершиной...

Светает

Я-то ведь думал,
читаю в ночи при лампаде,
а оказалось —
и без огня уже видно.
День незаметно забрезжил...

Зимняя луна

Кажется, будто
льются на землю с небес
лунные блики —
ночью ложится снег
путнику на рукава...

Дикие гуси

День изо дня
тянется стая за стаей
меж облаков.
Осень пришла — на зимовье
диких гусей провожаю...

* * *

Дождик весенний...
Вспомнилось мне, как бродил
вместе с любимой
в вешних садах Окадзаки,
первую зелень срывая.

Опадающие цветы — словно дождь

Опадают цветы —
словно снежные хлопья кружатся,
а на Сага-горе
буйным ливнем, хлынувшим с вишен,
разлились лепестки по склону...

Слышу, как прошуршал лист

Оторвался от ветки
павлонии высохший лист —
одинок и печален,
робкий шепот его донесся
из пространства беззвездной ночи...

Цветы хризантемы лучше всех

Пусть осенней порой
позже всех им дано распуститься,
хризантемам в саду,—
но никто из цветов не смеет
с ними спорить благоуханьем!..

* * *

Незавидна судьба
этой старой птицы-тидори!
Под осенней луной
о подросших птенцах тоскуя,
громко кличет она во мраке...

Рассуждения во время поездки верхом

Старость пришла.
Так мало осталось желаний!
И ни к чему
торопить, подстегивать плетью
сердца загнанную лошаденку...

* * *

Поля показались
в просветах меж тонких стволов
бамбуковой рощи —
как отрадно снова увидеть
черепицу крыши Окадзаки!..

* * *

На утлом пароме
несметные толпы людей
за жизнь перевез он,
этот лодочник с Ёдогава,—
постарев в бесконечной дороге...

Колокол в горном храме

Созерцанию гор
предаюсь я самозабвенно.
Затихает вдали
голос колокола, с вершины
о закате дня возвещая...

Горная тижина

Что ж, покину и я
суету нашей брэнной юдоли,—
ото всех вдалеке
заживу в пристанище горном
жизнью вольного дровосека!..

Татибана Акэми

Мои маленькие радости

* * *

Как хорошо,
когда на циновку приляжешь
в хижине горной
и отдыхаешь душой
от повседневных забот.

* * *

Как хорошо,
когда у горячей жаровни
сладко вздремнешь,
и уже никому на свете
растолкать тебя не под силу.

* * *

Как хорошо,
когда, раздобыв у друзей
редкую книгу,
можешь потрепанный том
на первой странице открыть.

* * *

Как хорошо,
когда приготовишь, бывает,
тушь да бумагу,
и будто бы сами собой
с кисти польются слова.

* * *

Как хорошо,
когда уже месяца три
бьешься над строчкой —
и в какой-то заветный миг
оживут, заиграют стихи.

* * *

Как хорошо,
когда и жена, и детишки
рядом с тобою
дружно сидят за столом,
головы к чашкам склонив.

* * *

Как хорошо,
когда попадется заказчик,
чтоб не скупясь
за какое-нибудь письмишко
предложил приличную цену.

* * *

Как хорошо,
когда выберешь день потеплее
и дотемна
осенью либо весной
бродишь в горах окрестных.

* * *

Как хорошо,
когда, на рассвете проснувшись,
выглянешь в сад —
и увидишь вдруг, что бутоны
превратились в цветы на вишне.

* * *

Как хорошо,
когда, отрешившись от дел,
о преходящем
поразмышляешь лениво
в клубах табачного дыма.

* * *

Как хорошо,
когда, созерцая в тиши
горы и воды,
неизменно милые сердцу,
по знакомой тропе пройдешься.

* * *

Как хорошо,
когда, на столе развернув
редкостный свиток,
чтению предашься душой
и созерцанию картин.

* * *

Как хорошо,
когда за окном у тебя
сядет на ветку
птица из дальних краев
и распевает с утра.

* * *

Как хорошо,
когда в кои-то веки наполнишь
рисовый ларь
и вздохнешь: «Ну, хотя бы месяц
можно жить, в долги не влезая!»

* * *

Как хорошо,
когда разговоры ведешь
не с простофилей —
что про давние времена,
что про наш, сегодняшний день.

* * *

Как хорошо,
когда у торговца купил
рыбы получше —
и ноздри щекочет слегка
жареного аромат.

* * *

Как хорошо,
когда рыбы наваришь котел
на всю ораву
и ребятишки кричат:
«Ой, вкуснота, вкуснота!»

* * *

Как хорошо,
когда развернешь наугад
древнюю книгу —
и в сочетаниях слов
душу родную найдешь.

* * *

Как хорошо,
когда в долгую снежную ночь,
сидючи дома,
подогреешь остатки сакэ
и закусываешь у огня.

* * *

Как хорошо,
когда просидел целый день
дома за книгой —
и вдруг у ворот раздались
близких друзей голоса.

* * *

Как хорошо,
когда проникаешь один
в истинный смысл
книги, чью скрытую суть
прочим постичь не дано.

* * *

Как хорошо,
когда без гроша за душою
чахнешь с тоски —
и случайно зашедший знакомый
вдруг подбросит немного деньжонок,

* * *

Как хорошо,
когда помешаешь уголья,
чтоб разгорелись,
и глядишь себе на котелок,
где бурлит, клокочет вода.

* * *

Как хорошо,
когда со старинным дружкой,
всласть насмеявшись
и поболтав просто так,
душу хоть раз отведешь.

* * *

Как хорошо,
когда между делом вздремнешь
после полудня —
и проснешься от струй дождевых
в освеженном, влажном саду.

* * *

Как хорошо,
когда подливаешь чайку,
угли мешаешь
и степенно беседу ведешь,
рассуждая о том да о сем.

* * *

Как хорошо,
когда, от дремоты очнувшись
в солнечный день,
слышишь бульканье и фырчанье —
песню чайника на жаровне.

* * *

Как хорошо,
когда, при своей нищете,
чашки расставив,
можешь спокойно сказать:
«Ешьте и пейте, друзья!»

* * *

Как хорошо,
когда заглянул на часок
старый приятель —
и в тыкве-горлянке нашлось
для обоих чуть-чуть сакэ.

* * *

Как хорошо,
когда все домашние в сборе —
и вот впятером
сидим себе живы-здоровы,
не кашляем, не чихаем.

* * *

Как хорошо,
когда, на станке поработав,
ловко скроив
и сметав, жена примеряет
домотканое ладное платье.

* * *

Как хорошо,
когда ненароком согласишься
на малышей —
и заметишь, что повзрослели,
подросли и окрепли все трое.

* * *

Как хорошо,
когда беспокойные гости
рано ушли,
и никто тебе не мешает
с головой погрузиться в книгу.

* * *

Как хорошо,
когда к случаю согласишься примету:
«Если цветы
зацвели на гвоздичных деревьях,—
значит, завтра богатым будешь...»

* * *

Как хорошо,
когда одолжаться приходишь
и только начнешь:
«Мне бы, знаете ли, того-то...» —
а слуга уже тащит сверток!

* * *

Как хорошо,
когда вскипятишь себе чаю,
сядешь, ноги поджав,
и набьешь полон рот вкуснящим,
ароматным, жирным пельменем.

* * *

Как хорошо,
когда угощают в гостях
лакомым блюдом —
например, подадут с пылу с жару
запеченный соевый творог...

* * *

Как хорошо,
когда на оставшийся рис
в утренней плошке
чаем горячим плеснешь —
и пожалуйста, ужин готов!

* * *

Как хорошо,
когда посетитель докучный,
только присев,
сразу вспомнит о важном деле
и начнет впопыхах прощаться.

* * *

Как хорошо,
когда на закате идут
с дальнего поля
ребятишки шумной гурьбою
и отцовские тащут мотыги.

* * *

Как хорошо,
когда, одеялом укрывшись,
у камелька
под напев старинного сказа
потихонечку засыпаешь.

* * *

Как хорошо,
когда сорванец малолетний,
кисть обмакнув,
призадумается, чтоб лучше
провести черту по бумаге.

* * *

Как хорошо,
когда новую славную кисть
где-нибудь купишь,
принесешь домой, прополощешь
и наконец попробуешь в деле.

* * *

Как хорошо,
когда поторгуешься с толком —
и продавец
приглянувшуюся вещицу
уступает почти задаром.

* * *

Как хорошо,
когда созерцаешь в саду
ранней весной
или осенью поздней цветы,
для которых труда не жалел.

* * *

Как хорошо,
когда, верноподданный сын
края Ямато,
о великом Ученье Богов
размышляешь, душой воспарив.

* * *

Как хорошо,
когда вспоминаешь порою,
что в мир пришел
после мудрого Норинага
и ученью его причастился.

* * *

Как хорошо,
когда после долгих трудов
книгу захлопнешь
и сидишь, любуясь громадой
переписанного трактата.

* * *

Как хорошо,
когда созерцаешь закат
в горном селенье
или в чистом поле близ храма,
где уж точно предложат: «Ночуйте!..»

* * *

Как хорошо,
когда в деревушке иной
подле дороги
обнаружится вдруг знакомый,
да еще, глядишь, и накормит.

* * *

Как хорошо,
когда облюбуеть вещицу
и, где призянав,
где на чем-нибудь сэкономив,
наконец-то ее заполучишь.

Шуточные стихи

* * *

Эх, на огонек
заманю-ка я чертей,
в гости приглашу —
буду нынче до утра
вирши новые читать!

* * *

Слышу за окном
завыванья демонов —
ночью нынешней
им от счастья слезы лить,
слушая мои стихи!

* * *

Нет, стихи мои
не для тех, в ком чую я
человечий дух,—
всколыхнуть им предстоит
душу Неба и Земли!

* * *

По порядку сложив
все свои немудреные вирши,
отнесу их на суд
небожителей беспристрастных,
передам и вернусь восвоюси.

* * *

Вот выберу день
и, лестницу к небу приставив,
взберусь поглядеть
на местечко, где обитают
боги гор высоких и низких...

* * *

Старуха-жена,
черпнув уполовником риса,
похоже, не прочь
запихнуть его без разговоров
целиком прямо в глотку мужу...

* * *

По лицу моему
догадавшись, что вскоре родится
замечательный стих,
суетится на кухне хозяйка,
собирает торжественный ужин...

* * *

В «барсучьей норе»,
в убогой моей комнатенке
вплотную сидят
на обед приглашенные гости,
неуютно поджав колени...

* * *

Всего лишь одну
пустили мы чарку по кругу,
вино подогрев,—
и увы, не видно довольных,
раскрасневшихся физиономий...

* * *

К гостю в углу
протиснулся с рисовым супом,
но, как на грех,
в тесноте об кого-то споткнувшись,
погасил последний светильник...

* * *

Вот уж ночь на дворе.
Гости, верно, не очень-то сыты.
На кого ни взгляну,
все нахмурились и надулись,
будто ждут еще угощений...

* * *

И ватага гостей,
и сам злополучный хозяин
мнутя, сжавшись в комок,—
изо всех щелей поддувает
в обветшалом тесном домишке.

* * *

В доме мороз.
Съестное подъели до крошки.
Гости мои,
нешадно толкаясь локтями,
подбираются к самой жаровне...

* * *

«Вот стихия моя,—
твердит неизменно Акэми,—
ради низменных дел
не ударю палец о палец,
лишь стихами я пробавляюсь!»

* * *

Как ласкает слух
расчудесный этот звук:
«буль-буль-буль-буль-буль» —
из бутылки полилось
струйкой тоненькой сакэ...

—

* * *

Плохо, конечно,
друга совсем не иметь,—
но разве лучше
выбрать такого в друзья,
что не по сердцу тебе?..

* * *

Мелкий дождь без конца.
Все дороги, ведущие к Оцу,
в непролазной грязи.
Залезай на коня, прохожий,
подвезу тебя хоть немного!

* * *

И муравьишки,
когда соберутся гурьбой,
с места сдвигают
щепку, что в тысячу раз
больше любого из них...

Снег во дворе «веселого дома»

Девушки в саду
лепят весело снежки —
интересно, кто
будет нынче согревать
ручки их озябшие?..

Вместе с подругой люблюсь снегом

Мы с подругою
на постели рядышком.
Смотрим, как на пруд,
на заснеженную гладь
утки опускаются...

* * *

А я и не знаю,
что случилось теперь с одеялом,
которым когда-то
с подругою в зимнюю пору
от холода мы укрывались...

После долгого дождя

Кажется, будто
стала просторней земля
и небо глубже —
после дождя прояснились
необозримые дали...

В горах

Песнь дровосека.
Птичий нестройный щебет.
Ручья журчанье.
Росой омытые травы.
Сосны до самого неба...

Муравьи

Кивнет на бегу
один муравьишка другому,
и снова спешат
в заботах, делах и тревогах —
налево, направо, налево...

Могилка воителя Есисада

На камне надгробном
я надпись скупую читаю:
«Здесь пал он в бою» —
как будто повеяло с поля
дыханьем осеннего вихря...

* * *

Так, одиноко,
не отыскав на земле
душу родную,
в хижине ветхой своей
буду я век коротать...

* * *

Чувства ложные
не высказывай в стихе —
только истина
даст творенью твоему
подлинную красоту!

---

* * *

Воин преданный
государю своему
верен в помыслах —
меч он обнажить готов,
кровью налиты глаза!..

* * *

Каких бы лишений
тебе ни пришлось претерпеть
на благо отчизны,—
о славе и чести своей
в бою не забудь, самурай!

* * *

С мечом обнаженным
брожу я по залам дворца
и к стенам взываю:
«Пусть явятся нынче злодеи,
что родины честь запятнали!»

* * *

О судьбах отчизны
я ночью бессонной грую,
и в отблеске лунном
рисует мороз на стекле
несущий спасение меч...

* * *

Радостно мне
встретить во дни, когда мир
варваров чтит,
мужа, что верен богам
нашей священной страны!

* * *

В душевной борьбе,
в тревоге о судьбах отчизны
на свете я жил,
одержим единым желаньем —
наболевшее выразить кистью...

* * *

Не предадим
благородных традиций Ямато,
края богов,—
ради нашей священной отчизны
крови сердца не пожалеем!

---

* * *

Вихрю подобны,
что веет, от взора сокрыт,—
мудрые боги
нас окружают повсюду:
и на земле, и на небе...

* * *

О, если бы мне,
презревшему страсти земные,
познать до конца
божественное откровенье
и тайнам богов причаститься!..

* * *

Тот, кто в доме моем
порочит друзей и знакомых, —
к тем знакомым придя,
точно так же, не сомневаюсь,
обо мне распускает сплетни!..

* * *

Друг мой далекий!
В непроходимых горах
ты поселился —
не затем ли, чтобы стеречь
распустившиеся цветы?..

Путники на дороге Семи поворотов

Кажется, будто
внизу муравьишки ползут,
часто петляя,—
по дороге Семи поворотов
поднимаются путники в гору...

*Набегают годы,
проведенные в горной тижине*

Сколько прожито лет
в этом срубе из криптомерий!
Оглянулся на миг —
и увидел, как время мчится
даже здесь, вдалеке от мира...

* * *

Много весен назад
перестало тоскою томиться
и грустить о былом
в этом горном уединенье
закаленное скорбью сердце...

* * *

В неведомом мире
за гранью пристрастий земных
всегда и повсюду
буду я слагать пятистишья,—
как привык в этой жизни брэнной...

* * *

Знаю, только в одном
отрада моя и награда —
в сочиненье стихов,—
где б я ни был и что бы ни делал,
на земле или там, на небе...

* * *

Вечный мой дух,
со вселенною неразделимый,
только на миг
бытия в этом брэнном мире
оболочку плоти приемлет...

* * *

После того
как покину приют свой непрочный,
брэнную плоть,—
не останется больше преграды
между мною и мирозданьем!..

В день, когда мне грустно

Немного мне нужно:
один понимающий друг
для умной беседы
да один пейзаж по соседству,
чтобы только им любоваться...

* * *

Всего-то лишь друга
да глазу приятный пейзаж...
Но если и это
мне заказано — принимаю
жизнь любую в своей Отчизне!

Окума Котомити

Месяц

Того и гляди,
подхваченный ветром осенним,
с вершины сосны
умчится в ночные просторы
едва народившийся месяц...

Дождь

Слышно, как во тьме
прошуршит то здесь, то там
молодой бамбук —
чуть заметно моросит
реденький осенний дождь...

Сверчок при свете луны

Дремоту прогнав,
на небо ночное гляжу —
взошла ли луна?
У самой подушки моей
о чем-то сверчок верещит...

Корова на горной тропе

По горной тропе
уныло корова бредет
сквозь сизую мглу —
спина, голова и бока
облеплены жухлой листвой...

Упавшая шишка

Передо мною
шишка с громадной сосны
шлепнулась оземь.
Думал, другую дождусь...
Глядь — уж стемнело вокруг!

Горная хижина

Только и слышу
от фанфаронов столичных:
«Вот хорошо бы
в здешних краях поселиться!»
Как же! Заманишь их в горы!..

Книга

Когда, не упомню,
оставил я возле окна
раскрытую книгу.
Давно уж, забаву найдя,
листает ее ветерок...

Муравей

«Вот он, смотрите!» —
мне ребяташки кричат,
да уж куда там!
Как углядеть старику
эту букашку в траве?..

Летний дождь над прудом

Множатся круги
на поверхности пруда —
в сонном лоне вод
капли незаметно гаснут.
Первый летний дождь...

Светопреставление

Сколько веков
твердят, что преставится скоро
грешный наш свет,—
да только едва ли такое
на нашем веку приключится...

Ночной снегопад

Ночною порой
из дома смотрю, как снежинки
над садом кружат,
мерцая и переливаясь
в проемах светящихся окон...

Волосок

Трудно, должно быть,
властвовать и управлять!
Стоит случайно
вырвать один волосок —
болью все тело пронзит...

Старик

Старец столетний,
от молодых услышав,
что где-то в мире
снова случилась беда, —
только смеется в ответ...

Раздумье

Кто над собою
в море мирской суеты
власти не ймет, —
может ли тот поучать
истинам вечным других?..

Ворота

Вот и сегодня
до дому еле дополз —
скоро уж, видно,
выйду из этих ворот,
чтобы назад не прийти...

Вол

Так неохотно
тянет на пахоте вол
плуг через поле —
нет чтоб пойти самому,
не дожидаясь бича!..

Вечерняя прохлада

Вечер спустился.
В воздухе веет прохладой.
Из дому слышно,
как на мосту через речку
мирно судачат соседки...

В ожидании цветения сливы

При виде бутонов,
что утром раскрыться должны
на сливе близ дома,
сегодня сосед мой весь вечер
счастливую прячет улыбку...

Колокол

И куда это
подевался нынче звон?
Ветром унесло? —
Ведь ни разу на лугу
в храме колокол не бил!

Сова

В сумраке ночном
слышно уханье совы.
Целый день спала,—
а теперь давай кричать
и бесчинствовать в лесу!..

Малышка

Вот ведь малышка!
Ножками ходит уже,
а маму просит,
чтоб понесла на спине —
так-то приятней, поди!

Дым

В лунном сиянье
вьется лиловый дымок
тоненькой струйкой.
Гаснет костер во дворе —
только что мусор сожгли...

Долгие дни

Думаю с грустью:
как ни длинны вечера
порой весенней,
но ведь пройдут и они,
станут далеким «вчера»...

Прибираю садик

Много лет я жил
в этом доме бедняком.
Никаких хлопот!
Дворик, прибранный уже,
буду снова подметать...

Только сердце

Я светильник задул —
и не стало в то же мгновенье
всех привычных вещей.
Лишь одно у меня осталось —
сердце в дряхлом, немощем теле...

Цветы и луна

Оттого-то как раз,
что сам не богат и не знатен,—
созерцая сей мир,
я цветы называю цветами,
а луну неизменно луною...

Веер

Лето настало,
но стоило только раскрыть
сложенный веер,—
и в рисунке вновь оживают
очертанья дымки весенней...

Печали завтрашнего дня

Нынче будем жить
как живется: пить сакэ,
благо есть пока,—
а о завтрашних печалях
будет время потужить...

Ворона

Птенцы-то в гнезде
совсем уже взрослыми стали,
а ей все одно —
покормить норовит из клюва
оперившееся потомство!..

Лиса

Полевая лиса,
удирающая от своры
разъяренных собак,
так что некогда и оглянуться,—
вот подобие человека!..

Поэт

Немощный старец,
я прожил и эту весну —
так же, как прежде,
воспевая горные вишни
и не сетуя на увяданье...

Раковины

Гадают, должно быть:
«И куда это нас занесло?» —
моллюски из Нада,
затворившись в створках ракушек
на прилавке в рыбном ряду...

Смотрю в морскую даль

Там, в морской дали,
островок Имб чернеет —
крошечный такой!
Прямо впору на ладошку,
как игрушечный, поставить...

Падающий лист

Ночью где-то в саду
лист сухой, сорвавшийся с ветки,
тихо прошелестел,
а почудилось — он приземлился
возле самого изголовья...

Сушеные овощи

Свисают со стрех
овощей сушеных гирлянды —
припасы к зиме
готовят, как видно, крестьяне
в этом горном селенье Кюга...

Пруд весенней порой

Облетели цветы,
и теперь уж ничто не украсит
старый, гложущий пруд —
ни единого лепесточка
не осталось на темной глади...

Весенние дни

В эти долгие дни
сколько раз, томимый бездельем,
праздно я наблюдал,
как неспешно проходит солнце
весь свой путь от восхода к закату...

Гость, зашедший поздней весной

Уж лучше бы вовсе
ему не являться сюда,
чем так, распрощавшись,
предоставить мне одному
созерцать весенний закат!..

Шипы

В пору цветенья
как будто бы даже шипы
стали помягче...
Наломал диких роз охапку,
а царапины — ни единой!

Опавшая хвоя

Сосновые иглы,
устлавшие землю в саду,
так переместились,
что с первого взгляда понятно,
куда улетает ветер!..

Хвоици

Будто детишки,
что собрались поглазеть
на чужестранца
в отдаленном горном селенье,—
хвоици выстроились у дороги...

Смотрю на цветы с ложа болезни

На бок поворочусь,
чтобы лучше увидеть с постели
вишни там, за окном,—
и никак не могу надивиться,
что цветы на ветвях все те же...

Опадают цветы вишни у ворот

У закрытых ворот
с рукою, протянутой к дому,
старый нищий застыл —
лепестки цветов подаяньем
на ладонь тихонько ложатся...

Дымка

Вот с цветами в руках
под покровом дымки вечерней
переходит ручей
стаяка девушек из селенья, —
словно выписанная кистью...

Цветы

Гнев и досада
на несправедливости мира —
все позабыто,
и снова я улыбаюсь
под сенью вишен цветущих...

Аромат сливы

Всего лишь на сун
дверь хижины приотворили
ночную порой —
и пахнуло в лицо из сада
ароматом цветущей сливы...

Дикие утки

Забавно смотреть,
как плавают дикие утки
в речных камышах —
будто все себя возомнили
кораблями в открытом море...

Пот

Заслышав опять,
как много неправедных дел
на свете творится,
тайком до пота в ладонях
я кулаки сжимаю...

Последние цветы

Словно проведая
о думах, что так тяготят
душу скитальца,—
запоздалых цветов головки
у дороги грустно склонились...

Снегопад над мостом

Сквозь густой снегопад,
все дороги надежно укрывший,
вижу, как на мосту
встала перед сугробом лошадь,
отказавшись тащить телегу...

Картофель

Да ежели взять
хоть картофелины, к примеру,—
и у тех под землей
прижимаются ребятишки
плотней к материнскому боку...

Поля после сбора урожая

С окрестных полей,
насколько хватает взора,
свезли урожай —
одинокое стоять остался
только мой шалаш из соломы...

Первая зелень

Отстав от ребят,
с которыми шел из деревни
за первой травой,
горько-горько малыш рыдает
посреди весеннего луга...

Птенцы

Малютки еще,
и сами таких же малюток
готовы пригреть! —
Подобранных птенчиков нянчат
деревенские ребятишки...

Возвращаюсь домой в лунную ночь

С прогулки в горах
меня проводила до дома
и в щелку ворот
за мною шмыгнула следом
луна, совсем распалившись!..

Дождь на дороге

На тропинке в полях
я застигнут ливнем осенним.
Тотчас зонтик раскрыл —
и сверкнули крупные капли
в замутненном лунном сиянье...

Эхо

До чего же смешно
снова слышать собственный голос!
И кричат, и кричат,
и опять кричат ребятишки,
а в ответ раздается эхо...

Долгая ночь

Ночью бессонной
Бывает уж вовсе невмочь
на жестком ложе,
а повернешься к стене —
и полегчает чуть-чуть...

Воды потока под дождем

Сегодня с утра
наблюдаю ручей возле дома,
где как напоказ
появляются и исчезают
отпечатки нечастых капель...

Бабочка

Невозможно смотреть,
как бабочка машет впустую
перебитым крылом! —
Побывав в руках у мальчишек,
снова хочет взлететь, бедняга!

Паутина

От сосны до сосны
протянулись тончайшие нити —
и в закатных лучах
всеми красками заиграла
бесконечная паутина...

Горная тижина

Прозрачной воды
зачерпнув из горной протоки,
в ладонях своих
вижу скверне мирской и тлену
недоступное отраженье...

* * *

Пожил здесь — и опять
одинокество гложет ночами.
Неужели же нет
в этом мире гор, чтоб навеки
захотелось там поселиться?..

Курица

Квохчет наседка,
скликает цыплят под крыло —
только напрасно!
Не жалея мать, без оглядки
кто куда птенцы разбежались...

Цыплята

До вчерашнего дня
под скорлупкой яичной сидела
вся цыплячья орда,—
а сегодня пицат, толкуются,
корм клюют у меня с ладони!..

Маска

Словно живое,
застыло в усмешке лицо —
трудно поверить,
что из дерева да из глины
вышло это изображение...

Стихи

Легковесен мой стих.
Пою лишь то, что поется,—
и, по правде сказать,
стыдно мне за многие строки
пред извечной Душою песен...

* * *

Да, как ни верти,
шестой доживаю десяток
на грешной земле —
много ль радостей и печалей
доведется еще изведать?..

Гроза

Отгремела гроза,
и вот, как ни в чем не бывало,
горожане идут,
под зонтами снова укрывшись,
но уже не от ливня — от солнца...

*В лунную ночь
не могу раздобыть вина*

Месяц больно хорош!
Спросил, не найдется ли выпить,—
а служанки в корчме
все хихикают без причины
и ни слова не отвечают...

Луна после дождя

Гроза миновала.
Повсюду в просветах меж туч
колышутся блики —
не иначе как там, в вышине,
притаилась сейчас луна!..

Горный храм

Осенней порой
под сводами горного храма
застыли в тиши,
грустно выстроившись по чину,
одинокие бодисатвы...

Каштаны

В горной роще бродя,
я порывлся, пошарил немного
под опавшей листвою —
и набрал большую корзинку
превосходных спелых каштанов...

Летние травы

Где-то в доме моем
колокольчик на шее котенка
неумолчно звенит —
только он один и тревожит
летних трав дневную истому...

Тропа в горах

Одинокий олень
уходит все дальше и дальше.
Вот мелькнул меж стволов —
и, насколько хватает взора,
никого на горной тропинке...

Хижины в ущелье

Домишко к домишку,
приткнувшись в теснине меж скал,
ютятся по склону...
Нелегко, должно быть, живется
в этом горном краю крестьянам...

Старик

Ведь никто никогда
слова доброго не проронит,
если бедный старик,
разуменье почти потерявший,
невзначай допустит промашку!..

Путешествие старца

Дряхлой плоти моей,
я знаю, теперь уж недолго
землю обременять —
в дальний путь без конца и начала
скоро, скоро тронется странник...

Месяц над моим двориком

Ярчайшим сияньем
сегодня залит палисад —
укрывшись во мраке,
буду из дому любоваться
превращениями лунных бликов...

Вышивка

Только с лица
на вышивке все безупречно.
Переверни —
и увидишь грязцу с изнанки.
Точно так же и в нашем мире!...

Изголовье

«Пора уж вставать», —
размышляю утром в постели,
да не вмоготу!
Отодвину прочь изголовье —
и опять на ладонь прилягу...

Затененное оконце

Сквозь ветви сосны
лучи заходящего солнца
пробились к окну —
и впервые багряный отблеск
запылал на стекле, заискрился...

* * *

Ничего не свершив,
ничего не начав и не кончив,
коротаю досуг
под окошком в своей лачуге
и старею себе понемногу...

Тигр

Бывает и так,
что тигр покажется кошкой...
Досада берет,
когда об ином человеке
превратно по внешности судят!

Скорблю о жизни

От посторонних
таить свою боль и обиды,
жить в нищете,
на невзгоды глаза закрывая,—
до каких же пор эта мука?!

* * *

Я нужды не страшусь,
но вот о житейских заботах
мне напомнили вновь
вздых жены да слезы детишек
над пустой обеденной миской...

Любуюсь цветами

Издали ли
цветами подолгу любуюсь
или вблизи —
всякий раз исполнены вишни
песказанного очарованья...

Цветы ямабуки у горной хижины

В безлюдных горах
близ хижины уединенной
под самой стеной
разрослись кусты ямабуки,
заслонили собою окошко...

В одиночестве любуюсь луной

Не пойму я, зачем
любоваться луною с друзьями?
Ведь луна-то одна
путешествует по небосводу —
вот один и любуйся ею!

В думах о будущей жизни

Мне не нужны
ни чины, ни высокие званья —
здесь, на земле,
я б возродиться хотел
тем же, кем был до сих пор...

Цветок лотоса

Желанной прохладой
под вечер дохнул ветерок —
и в сладкую дрему
погрузился я, не заметив,
как осыпался белый лотос...

Старость

Знаю одно,
что бы люди ни говорили, —
жизнь позади,
на исходе мой век, и все же
для себя остаюсь непознан...

Стрекозы

На цветущем лугу
над раскрытым зонтом пешехода,
ничего не страшась,
беззаботно и дерзко порхают
легкомысленные стрекозы...

Бобы

Луццу я стручки
и не устаю удивляться:
один к одному,
до смешного схожи обличьем,
подравнялись бобы рядами...

Одежда

Не успел залатать —
и снова, глядишь, прохудился
мой истлевший наряд..
За такими-то вот делами
пролетели весна и осень.

Картины

Нет у меня
ничего своего в этом мире,
кроме тех гор
и морей, что собственноручно
на картинах изображаю...

Голос колокола под луной

Сквозь туманную мглу,
возвестив приближение ночи,
шестикратно звучит
голос колокола в часовне —
и луна восходит над лугом...

Слушаем дождь

Друзья за пирушкой
сидят, оборвав разговор,
и слушают молча,
как по крыше с яростной силой
барабанит ливень осенний...

Луна в воде

Пытаясь умчать
луну, потонувшую в бездне,—
сомкнулись над ней
и несутся вдаль, обтекая,
поздней ночью волны речные...

Дождь в лунном свете

В тусклом свете луны
дверцу хижины приотворяю,—
посмотрю-ка еще,
как под сенью осенней ночи
мелкий дождь без усталости сеет...

Уголь

Ночь все темнее,
все крепче мороз на дворе.
Печально слышать,
как в жаровне трещит, догорая,
мой последний кусочек угля...

Колокол

Щека на ладони,
не знаю уж сколько дремал —
и вот просыпаюсь.
Призывая ко сну округу,
раздается звон колокольный...

Людное место

Что знают они
о боли души одинокой —
все те, кто весной
приходит сюда с друзьями
любоваться цветеньем вишен?..

* * *

Лютый мороз.
Большая дорога безлюдна —
и до конца,
насколько хватает взгляда,
все залито лунным сияньем...

Рис

Спускается вечер.
Крестьяне с окрестных полей
бредут восвояси,
до земли тяжело склоняясь
под снопами сжатого риса...

*Когда это сочинил, не ведаю.
Записал, как помню...*

Ночь провалявшись
и веки с трудом разлепив,
соображаю,
что хватил сакэ накануне
до полнейшего непотребства...

Сакэ

Когда за вином
со старым знакомцем сойдешься
и пьешь без конца,—
неизвестно, в чем больше хмеля:
то ли в чарках, то ли в беседе...

Слива

Опавших цветов
давно уже нет и в помине,
но чудится мне —
до сих пор пропитана спальня
ароматом цветущей сливы...

* * *

Смотрю я на птиц,
что над вишней цветущей резвятся
весенней порой,—
и не верится, что лишь о корме
все их помыслы, все заботы...

* * *

Соловьиная трель
прозвучала под сводами леса —
все дела позабыв
и дороги не разбирая,
наугад бреду по тропинке...

Мотоори Норинага

* * *

Поистине дивны
растенья заморских земель,
но ни ароматом,
ни цветом нельзя их равнять
с японской вишней в цвету...

* * *

Напрасно дерзают
о сути вещей толковать
китайские старцы,
когда не дано им постичь
Неисповедимого суть!..

Подпись к автопортрету

Ты спросишь меня:
как выявить душу Ямато,
Страны островов? —
Посмотри на горные вишни
и вдохни аромат цветенья!..

Фиалки

Выйдя в сад поутру,
я заметил: на черном торфе
распустились цветы.
Удивительно, как доныне
я не знал об этих фиалках!..

Вишня

С той самой поры,
как утром услышал впервые
напев соловьиный,
я жду от весны одного —
чтоб вишня скорей зацвела!..

Вишни в горах Ёсино

Куда ни помотришь,
белеют в горах облака,
и благоуханье
над Ёсино вишни струят,—
но как мне узнать, где цветы?!

Жизнь

В изменчивом мире
я снова с приходом весны
любуюсь цветами...
Чего же еще и желать?
Воистину, жизнь хороша!

П О Э З И Я
Н А Р О Д Н А Я

Коута

Вишня в цвету

Больше пей да громче пой!
Чем нас встретит мир иной?
Нынче будем веселиться
под вишнями в цвету.

Колокола на рассвете

Рассвело едва-едва —
петухи: «ку-ка-ре-ку!»,
«диги-дон!» — колокола
в храмах за рекой.

Ласточки

Даже ласточки и те
к старым гнездам помнят путь —
почему любимый мой
в гости не зайдет?..

Зеркало-луна

Далеко любовь моя.
Как ее увидеть мне?
«Стань же зеркалом!» — прошу
полную луну...

Расчетливый купец

Провести с тобою ночь
или денежки сберечь?
Ладно, отдаю пять тысяч,
пересплю с тобой!

Тяжела любовь

Хороша ты, хороша,
девушка с вязанкой дров!
Тяжела твоя вязанка —
тяжелей любовь...

В храм на молитву

Что ни день она спешит
на молитву в дальний храм.
Четки у нее в руках
да записки в рукавах!

Месяц на востоке

Месяц на востоке,
на западе — Плеяды.
Где-то между ними
любимая моя...

Ветер в соснах

Говоришь: «Приду, приду!» —
Людам на смех, мне на стыд.
Ветер в соснах прошуршал
и умчался прочь...

Три плясовые песни праздника Бон

* * *

Кто на светлый праздник Бон
в круг не выйдет поплясать?
Только Будда деревянный,
медный, каменный!

* * *

Торопись на праздник Бон!
Все спешат на праздник Бон, —
даже души наших предков
вышли встретить Бон...

* * *

Кто не пустится плясать
в полнолуние, в праздник Бон? —
Только кошка, или ложка,
или идол глиняный!

Синапо, родимый край

Синапо, родимый край!
Чуть заметен вдалеке
над вершиною Асама
голубой дымок...

Мечты минувших дней

Я мечты минувших дней
позабыл давно,
а теперь мечтаю лишь
о мечтах былых...

Цикада на дереве

Станешь стройным деревцем —
я цикадой обернусь.
Крепко к деревцу прильну,
плача от любви...

Кукушка

И лягушек дальний хор
болью в сердце отдает,
и кукушка до утра
не дает заснуть...

Тень

Я хотел бы тенью стать,
тенью легкою твоей —
и не жаль расстаться мне
с плотью навсегда!

Волчок

Ты зачем принес волчок?
Видишь, вишни зацвели.
Вот завертится волчок —
все цветы собьет!..

Полнолуние

Поздней ночью на луну
вместе с милой мы глядим —
и прекрасней во сто крат
полная луна...

Кваканье лягушек

На пруду лягушек хор
чуть заслышу — и тотчас
вспоминаю о былом,
о минувших днях.

Письмена на воде

У истоков ты живешь,
я же — в устье той реки.
По теченью мне пришли
нежное письмо!

Лишь во сне

Если бы хоть раз во сне
ты ко мне пришла!
Ведь от сплетен лишь во сне
отдыхаем мы...

Пламя в сердце

Хоть горит в груди моей
жарким пламенем любовь,
но любимой невдомек —
дыма-то ведь нет...

Думы мои

Думы горькие мои —
словно стая облаков.
Ветер увлекает их
неведомо куда...

Прощание на берегу

В гавань, на берег пришла,
проводить его пришла,
но от слез не в силах даже
вымолвить «Прощай!».

Брошенное кимоно

Если хочешь, что ж, бросай
возле ложа кимоно,
только не бросай, смотри,
слов любви пустых!

Не стерпев сердечных мук

Не стерпев сердечных мук,
в горы я ушел,— но вот
уж и гор не разглядеть —
облака кругом...

Вечно в пути

Мы уходим вдаль,
и дороге нет конца,
нет конца пути.
Так и в небе облака —
нет пристанища у них...

Ключик к сердцу

На замок закрыла я
сердце нежное свое.
Ключик к этому замку
у тебя в груди.

Милую не встретил я

Милую не встретил.
Мрак крошечный на душе,
и бреду я под луной,
будто бы впотьмах.

Горный шиповник

На крутой тропе в горах
не дает мне куст пройти.
Отпусти, колючий куст,—
вечер настает!

Луна за тучами

Помогает нам луна —
не выходит из-за туч.
Где же ты? Скорей, я жду
в сумраке почном!

Сосна на берегу

Я прибрежная сосна.
Убаюкает — и вновь
будит тотчас же меня
ласковый прибой.

Удел наш луна

Скорбью платим мы — и вновь
наслаждаемся тобой.
О луна! Неужто ты
вечный наш удел?

Ветер в прибрежных соснах

Я у берега ждала,
не придет ли милый мой,
но лишь сосны для меня
пели на ветру...

Белый снег на Фудзи

Высоко на склонах гор
растопило солнце снег.
Забурлили тут ручьи —
в Мисима текут ручьи,
чтоб красавиц городских
снеговой омыть водой.

Путь облаков

Не пытайся проследить
облаков далекий путь —
нет ему конца.

В нашем мире

Человеческих сердец
столько в мире, что не счесть,—
словно радуги цветов
в капельке росы.

Страшнее смерти

Как умру я, как умру,
кто заплачет обо мне?
Верно, черный ворон с гор,
только он один!
Этот черный ворон с гор,—
он не плачет по живым,
он над мертвыми кричит,
пожирая их...

Воспоминания

Вспоминаем что-то мы,
лишь о чем-то позабыв.
Нет, не надо вспоминать —
ты не забывай!

Утренний туман

Нынче утренний туман
был безжалостен ко мне —
даже взглядом проводить
милую не дал...

Умереть любя

И во сне, и наяву
о тебе мечты мои.—
Почему я от любви
не сгорел еще?

Верное сердце

Отплывающий корабль
может в гавань повернуть,
если позовут матросов
верные сердца.

В час, когда на всех сердит

В час, когда на всех сердит,
отыщи ручей в лесу
и в прозрачную струю
сердце окуни.

Юность

Возвращаются к корням
лепестки цветов.
Больше им уж не цвести
на своих ветвях...

Майский дождь

Словно первый майский дождь,
ты для жизни воскресил
грезы юных лет —
и, как чайка над волной,
мчится вновь душа моя
вдаль от берегов!

Безмолвный мотылек

Пусть цикада о любви
ночи напролет поет,—
но, влюбленный, молча гибнет
мотылек в огне.

Цветок любви

Чувства нежного цветок —
он при встрече лишь цветет,
а расстанемся — и вмиг
увядает он.

Ветер с моря

Милого звала назад,
но не повернул корабль.
Только ветер мне шептал:
«Позабудь о нем!»

Облака над горами Хаконэ

Над горами Хаконэ
облака густы.
Даже в ясный день
никогда сквозь них
Эдо не покажется.

Брошенная лодка

Вдаль от берега несет
жизнь мою течение дней —
словно брошенную лодку
в бухте Нанива...

*Самоубийство влюбленных
на горе Торибэ*

Там, у берега Сидзё,
лунный свет прохладу льет.
От прощальных горьких слез
рукава влажны.

Ах, извилиста тропа,
смертный путь — тропа любви.
Над горою Торибэ
вьется черный дым...

Сердце

В озере живет форель,
птица — в зелени листвы,
человек — всегда во власти
сердца своего!

Стук валька

Поздней ночью слышу я:
вдалеке стучит валеk —
покатились, покатились
слезы по щекам...

Ветер в лунную ночь

То появится к окне,
то опять исчезнет тень —
ветер гнет и отпускает
молодой бамбук.

Дождь слез

Утром ветер налетел,
ливень с запада принес —
не твои ли это слезы
струями текут?..

Сироты

Береговые чайки,
безродные сироты,—
как жалобно, протяжно
кричат они во мгле!..

Невестка со свекровью

Невестка со свекровью,
что чашечка и блюдце,—
как встретятся друг с другом,
уж тут пойдет трезвон!

Протившись с тобою

Как простилась я с тобой,
через рощу побрела.
На сосне блестит смола,
на щеке — слеза...

Верное сердце

Не пышные прически,
не модные заколки —
всего прекрасней сердце,
что верность сохранит!

Как на лов отправлюсь я

Как на лов отправлюсь я,
не рыдай ты так, жена!
Ведь и ворон закричит —
сердце зацемент...

Облака

Посмотри на облака:
видишь, врозь они плывут —
им разлука суждена,
как и нам с тобой...

Проводы

Уходит в море лодка,
наполнен ветром парус,
и девушки-певички
с причала машут вслед...

Звон

То ли колокол звонит,
то ли сам его язык..
Разделить их — тотчас смолкнет
колокольный звон.

Остров Садо

Даже травы и цветы
к Садо, к Садо клонятся,—
верно, хорошо на Садо...
Да так ли хорошо?

Недоступная любовь

Лестницу подставь!
Если же не достает
лестница твоя,
знай — то светит в вышине
ясная звезда...

Роса

Ну за что мы любим жизнь,
тянемся, цветы вьюнка,
к свету и теплу?
Гнев ли, радость ли, печаль —
все исчезнет без следа,
как роса в полях...

Раскрывшиеся цветы

Дела нет цветам весны,
чуть раскрывшим лепестки,
что когда-нибудь они
тоже опадут...

Ива над рекой

Что склоняешься тоскливо,
ива, ива, над рекою?
Видно доля мне такая —
над протокой плакать...

Вечер

Рыбаки ушли на лов.
Чайки в гнездах мирно спят.
Мерно в скалы бьет прибой.
Ночь уже близка...

Презрение

Как посмею я других
ненавидеть, презирать,
если сам себе противен
в глубине души?..

Ураган

О могучий ураган,
пташку слабую умчи!
Все равно, куда лететь,—
только бы с тобой...

Духи

Приходи, я буду ждать!
Ничего, что ночь темна,—
аромат духов знакомых
к милой приведет.

Блеск золота

Тех, чей ненасытный взор
блеском золота пленен,
увлекает дней теченье
в реку Вечных мук!

Спой еще!

Спой еще, прошу тебя!
Пой же, пой, не умолкай!
Сердце-лотос расцветает,
слыша голос твой...

Сёдзи

Много ри проходит тигр
в страшных зарослях лесных —
а к тебе сегодня сёдзи
преграждают путь...

Слезы на глазах

Распрощались молча мы,
только слезы на глазах...
Все, что вымолвить не в силах,—
в сердце схороню!

Водоросли

В тихом омуте на дне
колыханье трав речных.—
Кто на дно души проникнет?
Разве, лунный луч...

Отражение

Я все жду на берегу,
не придет ли милый друг,—
но лишь вербы отраженья
в зеркале ручья.

В думах о тебе

Днем ли вспомню о тебе —
и не в радость ясный день.
Ночью вспомню — будто нет
в небесах луны...

Ночная птица

Кличет, кличет где-то птица,
как луна взойдет,—
вот и я ночью птицей
плачу от любви.

Мгла

Ах, увидеть бы скорей
ясную мою луну,
милую мою!
Ведь живу я без нее,
будто бы в крошечной мгле...

Прилив

Заливают изголовье
слезы, как прилив морской,—
да ведь милый не узнает,
не увидит слез...

* * *

Вот возьму да и спрошу!
Ну, а вдруг ты скажешь «нет»?
Не решусь и не спрошу —
от тоски умру...

* * *

Если с милым я —
и зимою незаметно
настает рассвет,
а как сплю одна —
ночка летняя длинна!

* * *

Знаю, до зари
ты с нее не сводишь глаз —
и еще милее мне
ясная луна...

* * *

Милый, милый, не сердись,
что цепляюсь за рукав —
куст шиповника в горах
к путнику прильнул...

* * *

Где бы мне найти цветы,
чтоб не вянули вовек,
где б мужчину отыскать,
чтоб не изменял!..

* * *

Бренный мир — всего лишь сон,
и, увы, растает он,
миг один — и растворится,
сгинет без следа...

* * *

Вижу образ твой,
только удержать не в силах —
вот опять исчез...
От любви неразделенной
сердцу столько мук!

* * *

В сливе важен аромат,
а не ветки да листва,—
в человеке важно сердце,
а не стать да спесь!

* * *

В ладушки играем мы,
хлоп да хлоп — в ладоши бьем.
Барабанчиком твоим
я побыть не прочь!

* * *

О тоске моей вовеки
милый не узнает,
только вы не выдавайте,
верок и пояс!

* * *

Жить, цветами наслаждаясь,
радуясь луне...
Несравненное творенье
этот бранный мир!

* * *

Ах, одной, опять одной
коротать мне эту ночь!
То ли дождик, то ли слезы
не дают уснуть...

* * *

Кличет поутру олень,
жалобно трубит,—
может быть, ушла подруга,
может, не пришла...

* * *

Вышел я за ворота,
а месяц из-за туч.
Месяц скрылся за горой,
а я — в твоём доме...

* * *

Спать одной — и то приятней,
чем встречать зарю,
зная, что разлука с милым
снова настает...

* * *

Хорошо послушать флейту —
пусть один напев.
Хорошо с тобой в постели —
пусть одну лишь ночь!..

* * *

Там, в заоблачных краях,
так ли горько без любви
или маются разлукой
только на земле?..

* * *

Кто же, кто же так взмахнул
на прощанье рукавом?
Снежным вихрем закружились
лешестки цветов...

* * *

Все мне кажется, что нынче
первый вечер наш..
Нет, последняя, шестая
наступает ночь!

* * *

Торопись полюбоваться
вешними цветами —
нынче в Ёсино повсюду
распустились вишни!

* * *

Утаить хотела я
безнадежную любовь —
только слезы выдают,
на рукав текут:
кап-кап-кап-кап-кап-кап-кап,
каплют на рукав...

* * *

Если даже лунной ночью
милый не пришел,
в ночь ненастную и вовсе
не дождусь его!

* * *

Хороши соцветья вишни —
тучи лепестков!
А у меня одно лишь сердце —
цветик полевой...

* * *

Как на прочих погляжу,
на бесчувственных мужчин, —
станет на душе светло
от твоей любви!

* * *

Те цветы, что попышнее,
и не пахнут вовсе, —
видно, от тебя, красотка,
толку не добьешься!..

* * *

Над Асама и над Фудзи
вьются струйки дыма —
из пылающего сердца
дым валит клубами...

* * *

До рассвета прождала —
не пришел хороший мой.
Снег в ладонях, растопись,
милый, воротись!

* * *

К ночи колокол звонит,
на заре кричит петух...
Вспомню о разлуке скорой —
к милому прильну.

* * *

Сердце тянется к тебе,
да пройти никак нельзя —
взоры кумушек досужих
дом твой стерегут!

* * *

Нынче свяжет нас вино
клятвой роковой —
за любовь в грядущем мире
чарку подниму!

* * *

Позвала меня под вечер
горная кукушка —
нам для песен не хватило
даже ночи лунной...

* * *

Чем иных перерождений
в бренном мире ждять,
лучше милого при жизни
до смерти любить!

* * *

Помнят путь к родным утесам
гуси в небесах —
как же нам забыть столицу,
наш родимый край!..

* * *

Слышу шепот в темноте,
а лица не различить —
ты мой маленький сверчок
в трещине скалы!

* * *

Опадут цветы весной,
чтобы вновь цвести,—
а у нас пора цветенья
в жизни только раз!

* * *

В шуме бури за окном
кулика призывный клич...
Ну, оклики же меня
из вечерней мглы!

* * *

Заливается кузнечик
под листом плюща —
так и я в тоске стенаю,
плачу от любви...

* * *

Долго ли резвиться лани
в заказных угодьях?..
Веселись, гуляй покуда
в этом мире бренном!

* * *

Что о людях говорить?
Погляди на быстрину —
лишь на отмелях песчаных
оседает ил..

* * *

То ли нам с собой покончить,
то ли волосы остричь?..
Волос — дело наживное,
а жизни не вернешь!

* * *

Хороша-хороша
молодая сосенка —
ветки длинные,
хвоя пышная!

* * *

Мы с женою и детьми
посадили нынче рис —
помолюсь об урожае
буддам и богам!

* * *

Я плотвичка-невеличка
в тинистом пруду —
сом противный, сом усатый,
отпусти меня!

* * *

Как спешу к тебе, мой милый,—
сто ри, что одно.
Не дождавшись, возвращаюсь —
одно ри, что сто!

* * *

Милый от меня ушел,
навсегда ушел.
Нет любви и нет надежды —
черный нынче день!

* * *

Дымку с горной крутизны
нелегко сорвать —
от тебя, красавчик мой,
глаз не оторвать!

* * *

Для цветов всего страшнее
снег и ветер с гор,
а меня одно пугает —
твой холодный взгляд!

* * *

Ох, должно быть, потешает
всех богов и будд
та смазливая бабенка
жаркою мольбой!

* * *

До чего здесь одиноко,
на лесной тропинке...
Где же ты? Скорей откликнись,
горная кукушка!

* * *

«Как же быть, как же быть?» —
только это и твержу,
повторяю про себя
триста раз подряд...

* * *

Погляди, как проплывают
в небе облака,—
ждет и нас с тобой разлука,
ждет далекий путь...

* * *

Вот и жатва подоспела!
Наделаю моти —
будет богу подношенье,
тебе угощенье.

* * *

Деревушка под горою,
родина моя!
Здесь и ветхая лачуга
сердцу дорога...

* * *

Подарил мне милый пецке,
зеркальце в оправе.
Погляжусь — и вспоминаю,
вновь о нем мечтаю...

* * *

В нашей жизни мать с отцом —
что в лампаде огонек,
а родителей не стало —
будто тьма вокруг...

* * *

Ты, мой милый, проживешь
сто счастливых лет,
а я девяносто девять —
до смерти с тобою!

* * *

Если любишь, приходи
навестить меня —
я живу в лесу Синода,
от людей вдали!

* * *

Обещал: «Возьму в столицу,
заживем с тобою!» —
Вот она, твоя столица,
в горной глухомани!

* * *

Об одном молю я Будду
ночи напролет:
пусть в рождении грядущем
нас соединит!

* * *

Что страшнее — ожиданье
или миг разлуки?
Сладко милого дожидаться,
да горько расставаться...

* * *

Только бы в ином рожденье
дзёро не остаться!
Наши встречи вспоминаю —
об одном мечтаю...

* * *

Мне бы позабудь-травы
хоть былиночку найти!
Сорвала, поворожила,
глядь — и все забыла...

* * *

Комнатушки, где, бывало,
с кем-то ночевала,
снова в памяти всплывают,
лица оживают...

* * *

Пареньку за девятнадцать,
а не женат покуда.
До чего, должно быть, тяжело
по ночам бедняжке!

* * *

Пусть, объятая любовью,
как роса растаю —
и тогда тебя, мой милый,
буду помогать!

* * *

Мы с тобою, милый друг,
плющ на выжженной земле.
Лоз не видно — только корни
в глубине сплелись.

* * *

За тобой пойду, любимый,
хоть по бревнышку во мраке.
Над рекою оступиться —
вместе возродиться!

* * *

Хорошо за чашкой чая
поболтать с подругой —
только об одном, заветном,
даже ей ни слова!

* * *

Клонятся под ветром к Эдо
травы и деревья.
В Эдо вишни зацветают,
плоды созревают...

* * *

Я б хотела стать луною,
чтобы по ночам
сквозь прозрачный полог в спальне
милому светить...

* * *

Ведь и вправду загляденье
шляпы из Тикаэ,
как наденешь да подвяжешь
длинными шнурками!

* * *

Хоть непьющий я, ребята,
да, видно, из харчевни
мне не выбраться сегодня —
поги отказали!

* * *

До чего же стали пынче
ветрены мальчишки!
Только почку и уделит —
у себя постелит...

* * *

Как у Тиэ Китадзима
прямо с пылу с жару
колобки дают из риса,
а начинка — мисо!

* * *

Из расселины скалы
бьет прозрачный ключ —
из такой ли глубины
и твоя любовь?

* * *

Мы с тобой на горном склоне
сливы деревца —
расцветаем, опадаем
от людей вдали...

* * *

Дождь осенний, поливай!
Снег, не выпадай!
Вдоль тропинки потаенной
клонится бамбук...

* * *

Милый — удочка над речкой,
а я — сазан в протоке.
Как бы на крючок пойматься —
не могу дожидаться!..

* * *

В сердце чистое заглянешь —
будто пруд зеркальный,
а замаранное сердце
хуже мертвечины!

* * *

В поле он или в горах —
всюду люб мне милый друг,
и живу я в этом мире
только для него!

* * *

В ночь любви под ветром гнется
ива у застрехи —
сладко виться-выгибаться
под таким напором!..

* * *

Если ты и вправду любишь,
вырви ноготь с мясом,
а я себе готов отрезать
на руке все пальцы!

* * *

Та, о ком забыл я думать,
как об ирисах вчерашних,
нынче в дом ко мне приходит
мужнею женою!..

* * *

Навещать почаще чадо
родители рады —
только их уж больно редко
навещает чадо!

* * *

В Эдо цвет вишневый буен,
в Суруга — бутоны.
Знаменит и славен Эдо
вешними цветами...

* * *

В недрах той горы Асама,
в кратере вулкана
дно пылающее видно,
душ людских глубины...

* * *

На людские рты, мой милый,
двери не навесишь —
сплетен бурное течение
не перегородишь...

* * *

Не достану я до ветки
с дивными цветами.
Может, здесь пожить, под вишней,—
всласть налюбоваться?..

* * *

Коли ты и вправду любишь,
будь со мною, милый!
Трех основ круговращенье
вместе одолеем...

Фуси

Времена года

Кто же, кто ступил впервые
на Тропу любви?
Столько душ по ней блуждает,
потеряв покой!
Долог путь от лета к лету,
от зимы к зиме.
Четырех сезонов звенья
составляют год.
По весне цветам вишни
Ёсино манит,
будоражит ожиданьем
первых лепестков.
Прилетел к Душистой Сливе
в гости соловей.
Раздается в Первой Трели
радостный призыв.

По теченью разметались,
к мягкой пряди прядь,
волосы Плакучей Ивы
в быстролетном сне.
На Прохладные Одежды
вешний цвет сменив,
Едино благоухает
летнею порой.
Хорошо у горной речки
помечтать в тиши.
Как не выбрать Аисомэ.
Первый Миг Любви!
В ясном зеркале потока
отраженье грез.
Чуть безоблачное небо
осенью дохнет —
одевается багрянцем
горная гряда.
В дни, когда осенний ветер
рвет с дерев листву,
всех прекраснее Такао
из окрестных гор.
А потом — то снег, то слякоть,
ливни по почам.
Ах, тоскливо, одиноко
зимнею порой!
Видом Фудзи из Суруга
славится зима...
Стать мне, что ли, Белым Снегом —
пусть растает плоть!
Может, это и зазорно,
да терпеть невмочь —
о желанье сокровенном
в песне расскажу:

ласки я давно не знаю,
чахну без любви,—
кто утешит, приголубит,
утолит печаль?..

Конец осени

Ветер над увядшим лугом
навевает грусть.
Льется в сумраке осеннем
тихий перезвон —
это поздние цикады
голос подают.
Вот затеял перекличку
со сверчком сверчок,
и с кузнечиком кузнечик
разговор ведет.
Верещанье узорчатки
слышится в траве.
Отвечает судзумуси:
«Тири-тири-рин» —
будто листья, опадая,
в воздухе шуршат.
Будто ива и багряник
стонут на ветру:
«Тири-тири-тири-титтэ»,—
сетуют они.
Скоро, скоро зимней стужей
сменятся дожди.
Отпоют в листве цикады
и сверчки в полях.
Лишь печаль поры осенней
в сердце будет жить.

Тропинка в горах

Вдоль реки Ёсиногава
горная тропинка.
Грустно над рекой склонились
розы ямабуки,
будто дум тяжелых бремя
ветки их пригнуло.

Вот уже благоухает
дикий померанец.
Раскрываются бутоны
на кустах уцуги.
Нотой звонкою кукушка
возвещает лето.
Я бреду в чаду любовном
через мост Навета.
Пояс-оби повязала,
что любви длиннее.
Соткан пояс мой в Хитати,
в стороне восточной...

Листья желтые с павлоний
ветер обрывает,
над Мияги завывает,
осень накликает.
В сумерках туман холодный
над лугами бродит.
Нелегка Любви дорога —
вечная тревога.
На зиму и дуб могучий
с листвой растается —
милый больше не вернется,
больше не вернется...

Осенний дождь

Хвоя с сосен облетает.
Вечер наступает.
В полутьме за дымкой скрылся
склон горы Мацуги.
Будто в иней превратился
на ветру осеннем
над дорогою Хигата
крик утиной стаи.
За холмом Эмон ударил
колокол в часовне.
Ясная луна восходит
в небе над полями.
Разум от тоски мутится.
Как слезам не литься!
В зарослях поблекших хаги
злбный вихрь ярится,
буйствует в хмельном задоре,
клены оголяет,
то утихнет, то взметнется —
покоя не знает.

В рукавах озябли руки,
промокают ноги.
Я с фонариком зажженным
бреду по дороге.
Мне места эти знакомы.
Все-то здесь я знаю.
Песенку о бедной дзёро
тихо напеваю:
«Хороши порой осенней
пурпурные склоны,
где сквозь дымку на закате
проступают клены.

Радуга мостом прозрачным
тянется за горы,
и спешит к мосту добраться
молодая дзёро».

Поздние побеги риса
полегли под градом.
Сотрясают ураганы
мыс Касивадзаки...
Долго ль тешиться сравнением
цветов запоздалых?
Долго ли с Восточным краем
сравнивать столицу?
Я в скитаньях бесконечных
до смерти устала.
Ах, куда бы мне прибиться,
где остановиться?
Та, что украшением Тика
столько лет считалась,
ныне странствует по свету
перекати-полем,
позабыта, одинока —
как судьба жестока!
Вот бреду неверным шагом
к придорожной чайной.
«Эй, ворота отворите,
странницу впустите!
На минутку подойдите,
в оконце взгляните!..»
Прибежал на зов хозяин
халат поправляет.
Видит, что явилась дзёро —
сразу уговоры...
С ним ли на ночлег остаться,
с жизнью ли расстаться?

Может лучше заколоться,
чем ему отдаться?
Ах, не знаю, то ль заплакать,
то ли рассмеяться...

*Песня, открывающая
путь грёз*

Плоть не вечна в этом мире.
Наша жизнь — роса.
Без следа в земле истлеет
пышная краса.
Ту, что прелестью пленяла,
услаждала взор,
обратит во прах бездушный
рока приговор.
Кости, брошенные в поле,
ливнем окропит,
выбелит студеным ветром,
зносом опалит...
Мы к горнилу преисподней
вместе побредем
под осенним хмурым небом,
под косым дождем.
Не роса порой вечерней
увлажняет путь —
грешных слез поток струится,
стон стесняет грудь.
Знаменье нам предвещает
муки в двух мирах:
боль, обиды, холод, голод,
нищету и страх.
Суждено все сферы ада

нам пройти с тобой —
стала нам любви отрада
смертною тропой...

* * *

Ты прохлады захотел —
Ветерок прошелестел
И на наше изголовье
Свежестью дохнул.
В спальне, где забылись мы
Под покровом летней тьмы,
Ветерок повеял нежный,
Свежестью дохнул.

* * *

Ах, как долго длится ночь!
Злой тоски не превозмочь.
Плачет, плачет надо мною
Горная кукушка.
В изголовье рукава
Просушила я едва —
Больше слезы лить не станем,
Горная кукушка!

* * *

Ночь осенняя темна.
В небесах плывет луна.
Как обидно до рассвета
Плакать здесь одной,

Горько, горько в час ночной
Под блуждающей луной
За окно глядеть и думать
О судьбе иной...

* * *

Будто вновь пришел ко мне
В ясный полдень по весне
Самый первый мой, желанный
Ненаглядный мой.
Он, любви моей под цвет,
В яркий пурпур был одет,
Самый первый мой, желанный,
Ненаглядный мой...

Утренний колокол

Вот и колокол рассветный
Говорит: «Пора!»
Все равно не будет завтра
Лучше, чем вчера.
Так учил великий Будда:
Жизнь — всего лишь сон.
Прозвучал удар последний,
А первый — был ли он?..

Росинка

Пусть в ином перерожденье
Буду я иной,
А сейчас любовь земная
Властна надо мной.
Что мне проку от учений,
Данных на века,
Если жизнь моя — росинка
В чашечке вьюнка!..

Случайное свидание

В ночь случайной нашей встречи —
Колокольный звон.
Ах, в душе прошедший вечер
Воскрешает он!
Я б еще тебя любила,
Во сто крат нежней,
Но пора, — иди, мой милый,
Возвращайся к ней...

Узорчатка

До чего же горько мне,
До чего обидно!
Ведь ворчуньи-узорчатки
В комнате не видно,
Только все бранится кто-то:
«Кіра-кірэ-кіра!»
Ох, не будет нам с тобою
Ни любви, ни мира...

Рассвет

И в счастливые минуты
Мне покоя нет.
Вместе горше почему-то
Ожидать рассвет.
Вот в полях запели птицы.
Манит зелень трав.
Жемчуг на шелку искрится,
Увлажнив рукав.
Пусть на твой вопрос ответом
Будет: «Блеск росы!» —
Так и жизни в мире этом
Сочтены часы.

* * *

Ночь весенняя на ложе,
Твой горячий шепот...
Ах, любовь, утраты множа,
Умножает опыт.
    Как тоскливо стало в спальне,
    Пусто, одиноко.
    Сон без милого печальней
    Прошлого урока.
Я уткнулась в изголовье,
До зари проплачу:
Снова, снова мне с любовью
Не было удачи!..

Река Тацуга

В водах Тацуга кружится
Палая листва.
Вспоминаю милых лица,
Нежные слова.
    Предрассветною луною
    Берег озарен.
    Над излучиной речною
    Рдеет старый клен.
Много ль проку в укоризне,
Если все равно
От любви к любви по жизни
Плыть мне суждено...

* * *

Вижу тьму ночного свода
Из каморки тесной:
Раз в году стихают воды
Быстрины Небесной.
    К перевозчице Сороке
    Обращусь с мольбою —
    Так давно минули сроки
    Наших встреч с тобою!
Будто становлюсь я, право,
Той Ткачихи тенью.
Для души одна растрava
Звезд соединенье.

* * *

Там, у берега морского,
Водорослей груды.
Мошек жалобное пенье
Слышится повсюду.

Первый ливень над полями —
Осени примета.
Скоро, скоро сбросят горы
Все убранство лета.
Жизнь бесследно испарится
Утренней росой.
Ах, зачем так страшно воет
Ветер за стеною?..

* * *

Воды Ёсино умчали
Вешних вишен цвет.
Лоно Тацута услали
Желтые листы.
 Попрошу волну речную
Передать привет,—
Может, о любви вчерашней
Снова вспомнишь ты.
Бросила с моста в протоку
Восточку-письмо,
Где переплелись, обнявшись,
Наши имена.
По теченью, по теченью
Пусть плывет само.
Пусть к тебе его доставит
Вестница-волна...

* * *

А луна всю ночь светила
Сквозь покров тумана...
Все, что между нами было,
Было так неожиданно.
Аромат душистой сливы
С ветром долетает.
Сон об участи счастливой
До зари растает.
На плече твоём вздремну я
Вместо изголовья —
Пусть хулит любовь земную
Черное злословье!

* * *

Муженек собрался в Эдо —
Меня покидает.
Пусть в погожий день шагает,
Устали не знает.
Только пусть без потаскушек
Ночлег выбирает!

* * *

Говорил в ином рожденье
Вечно будем вместе,
А теперь и глаз не кажешь
К будущей невесте!
Ох, моя была бы воля,
Будь уверен, милый,
Я б тебя к себе гвоздями
Накрепко прибила!

Вино в трактире

Доброе вино — в трактире,
Чай, конечно, в чайной,
А в Кицудзи — дзёро плачет
У реки Печальной.
Ты не плачь, не убивайся,
Милый твой вернется.
В пятую луну вернется —
Шестой не дождется!

Милый — небожитель

Станом тонок, как девица,
Миленький мой.
Только с неба мог спуститься
Миленький мой.
Он вчера по горной тропке
Брел застенчивый и робкий,
Дымкою увит.
Не могла я надивиться —
Ну по всем статьям девица!
Прямо райский вид...

* * *

В мире бренном ты живешь.
Пей-гуляй в гостях!
Завтра вспомнишь и вздохнешь
О минувших днях.
Разве кто-то на века
Жизнью овладел?

Вроде, смертного пока
Ждет иной удел...
Я потешиться не прочь —
Заходи любой!
Всю сегодняшнюю ночь
Проведу с тобой.
Ничего, что допоздна
Ждет тебя жена,—
Пей вино, пока в бутылки
Не увидишь дна!

* * *

Погляди-ка, погляди,
Вон Уэно впереди,
Юсима, Асакуса, Сумидагава.
Уж как ветер ни свисти,
Шляп тебе не унести —
Эти шляпы из Уэно
Пригодятся нам в пути!

Олень

Днем и ночью клич олений
Душу бередит.
От избытка впечатлений
Бедный зверь трубит.
Роет он копытом листья,
Право, что за статья!
Вот бы шерстку — да на кисти,
О любви писать...

Вакасю

Ох, какого же вакасю
Видел пынче я —
Поутру он шел из замка,
Ей-же-ей, друзья!

Кабы тушь была да кисти,
Да бумаги лист —
Хоть малюй с него картинку,
Так хорош, артист!

Ту картинку бы да в спальню...
Только вот семья!..
А не то увез бы, право,
Ей-же-ей, друзья!

Бренный мир

В бренном мире мы живем,
В мире суеты.
В меру курим, много пьем,
Нюхаем цветы.

В жизни все возьмем сполна,
Чтоб в урочный час
Закатиться, как луна...
И не станет нас.

Жизнь

Жизнь — всего лишь наважденье,
Но ведь хороша!..
Станет плоть бесплотной тенью,
Отлетит душа.
Наслаждайся же покуда,
Балуй естество:
Пей, да пой, да веруй в чудо —
Больше ничего!

* * *

С изголовья травяного
Полная луна
Над равниною Мусаси
В облаках видна.

Мне в пути тоску о милом
Вновь навеют сны.
Верно, от росы вечерней
Рукава влажны...

* * *

Ты о чем, сверчок, толкуешь
Ночи напролет?
Не о милой ли горюешь,
Что уже не ждет?

Не томи напрасно душу,
Ведь и без тебя
Нашей клятвы не нарушу —
Умереть любя!

* * *

В предрассветный час унылый
Вижу я во сне,
Как, целуя, шепчет милый
Обещанья мне.

Ах, проснуться — окунуться
В горести опять.
О превратном, невозвратном
Слезы проливать!..

* * *

То ли горных бурь ворчанье
Слышится с вершины,
То ли ручейка журчанье
Из лесной лоцины.

Ветер в соснах сиротливо
Всё зовет кого-то,
И звучат его призывы
Музыкою кото.

* * *

Опустился летний вечер,
И доносит с моря
Посвежевший южный ветер
Жалобу тидори.

Видно, вместе нам с тобою
Нынче плакать птица!
Было нам дано судьбою
С милым разлучиться...

* * *

Барабанит дождь вечерний
В дверь и в окна дома.
Капель шум глухой и мерный,
Лёгкая истома...

Как печально где-то в соснах
Ветер напевает —
Будто об ушедших веснах
Мне напоминает.

Комментарий

с. 23

Вака (букв. «японская песня») — точное название классического направления японской лирики в противоположность поэзии на китайском (*си*). По формальным признакам *вака* разделялись на короткие песни (*танка*) и длинные (*тёка*). Встречались также промежуточные объемы, например шестистишия вместо канонических пятистиший. Однако *тёка* фактически исчезли уже в X в.

с. 25

О, если бы мы... — Стихотворение отражает характерное для школы *кокугаку* стремление к идеализации «золотого века древности».

кисараги (букв. «месяц перемены одежд») — поэтическое название второго месяца по лунному календарю. Пора прихода весны в Японии.

Икома — гора неподалеку от Осака.

с. 26

Есино — воспетая в творениях великих поэтов местность в древней провинции Ямато. Славилась цветением вишен. Традиционное место отдыха императоров.

Ута (букв. «песня») — древнейшее название пятистишия *танка*. Передает также общее понятие «поэзия».

с. 27

Асигара — дорожная застава в средневековой Японии на тракте Токайдо. Находилась в горах Асигара, пров. Сагами.

Уэно — район г. Эдо (совр. Токио), славившийся вишневыми деревьями. В наши дни — токийский парк.

с. 28

Фува — воспетая поэтами древности застава эпохи Нара (VIII в.) на стыке провинций Оми и Мино.

...голос о лете поющей кукушки... — примета наступающего лета в классической поэтике.

с. 29

В нашем горном краю... — Стихотворение содержит реминисценцию *вака* (изначальной песни, или *хонка*) из классической антологии «Кокинсю» (X в.): «Еще глубже // печаль одиночества в горном краю зимой, // когда подумаешь, что увяли // и глаза людей [приходивших сюда любоваться травами], // и сами травы».

...мхом зарастает // к хижине горной тропинка... — классический символ жизни поэта в добровольном отшельничестве.

с. 30

Хаги (*lespedeza bicolor*) — декоративный полукустарник, цветущий в начале осени желтыми цветами. Распространенный образ классической поэзии.

Танабата — праздник встречи двух звезд (Вега и Алтаир) в ночь на 7-е число 7-го месяца по лунному календарю. Согласно старинной китайской легенде, в эту ночь сороки строят мост через Небесную реку (Млечный путь), помогая воссоединиться влюбленным Волопасу и Ткачихе (восточные названия звезд).

Нията — гора в центральной Японии.

Тонэгава — река, служившая границей провинций Кодзукэ и Хитати.

с. 31

Ооэ — гора неподалеку от Кното.

с. 32

Сверчок верещит...— Сверчки различных видов, цикады и прочие «поющие» насекомые ценились в Японии наряду с певчими птицами. Любители держали таких насекомых дома в специальных клетках. Голос сверчка — традиционный образ, передающий покой одиночества.

гора Старухи (Оба-сутэ-яма — букв. «гора Брошенной Старухи») — воспетая в поэзии и прозе гора в Сарасина (пров. Синано). Как гласит предание, некий человек оставил умирать на этой горе свою престарелую тетку, чтобы избавиться от лишнего рта в семействе. Однако ночью зрелище ясной луны смягчило сердце злодея, он раскаялся и успел спасти старуху.

с. 33

Мусаси — большая равнина в центральной Японии (пров. Мусаси), на которой был расположен и г. Эдо.

с. 35

Тоотоми — провинция в восточной части о-ва Хонсю.

тидори — вид куликов.

Есано-уми — бухта, вписывающаяся в залив Миядзу неподалеку от Киото.

42 года в Китае и Японии считается началом «первой старости».

с. 38

«Соловей у горной хижины» — отдаленная аллюзия на многие стихи «Кокинсю», в том числе на стихотворение неизвестного автора: «Хотя соловей, // укрывшись в ветвях сливы, // распевает, // возвещая наступление весны, // по все еще идет снег».

Японский образ *угуису* не соответствует европейскому соловью. В действительности это короткохвостая камышевка, чье пение, однако, по красоте не уступает соловьиному. Отсюда и традиционный для европейских языков перевод «соловей».

с. 38.

Новый канал — отвод от р. Сибутани, прорытый в конце XVII в.

с. 40

18-й год Кёхо — 1734 г. В Японии летосчисление велось по годам правления императора, которые получали некое символическое название (девиз правления).

журавль и черепаха олицетворяют долголетие. Поверье гласит, что журавль живет 100 лет, а черепаха — 1000.

с. 41

Мисима — город в центральной Японии на тракте Токайдо, в пров. Суруга, у отрогов Фудзи.

Суминоэ — прославленное в «поэтической географии» Японии побережье вблизи Осака. Особенно знамениты поющие на ветру парные сосны в Суминоэ.

с. 42

кото — японский струнный инструмент, напоминающий цитру.

Мано — небольшая равнина к западу от г. Кобэ. В «поэтической географии» страны славилась красотой цветущих хаги.

с. 43

оги — мискант сахароцветный (*Miscanthus sacchariflorus*).

Последний день 9-й луны считается днем окончания осени.

с. 44

Фува — см. примеч. к с. 28.

с. 45

Кагура (букв. «месяц сиптоистских мистерий») — поэтическое название одиннадцатого месяца по лунному календарю.

Ёсиногава — река в Ёсино.

Век Богов — эпоха «сотворения мира» в японской мифологии.

с. 48

влюбленный светлячок — символ любовного горения в традиционной поэтике.

с. 49

Сусаки — знаменитое красотой видов морское побережье неподалеку от Эдо, в районе устья р. Фукагава.

хэра — разновидность цапли с клювом, напоминающим кухонную лопатку *хэра*.

с. 50

китайская ученость (*кангаку*) — конфуцианский комплекс гуманитарных дисциплин, входивший в программу классического образования.

гои — кваква, разновидность цапли.

с. 52

«горы и воды» (*сан-суй*) — общее название китайской и японской пейзажной живописи.

с. 54

зелье бессмертия — понятие, пришедшее в Японию из Китая. По одной версии, изготовлялось из волшебной травы бессмертия, которая росла на островах Вечной жизни. По другой версии, характерной для даосской медицины и алхимии, выплавлялось в теле праведника как quinta-эссенция жизненной силы *ци*.

Голосом сердца... — аллюзия на знаменитое предисловие Ки-но Цураюки к «Кокинсю», которое начинается словами: «Песни Ямато! Вы произрастаете из семени сердца...» Вака отражает увлечение поэта отечественной классикой в противовес китайской.

«Непостоянство» (*мудзё*) — понятие, передающее кардинальный постулат буддизма об эфемерности, непрочности всего сущего и изменчивости бренного мира (*укиё*).

с. 55

Оцу, что в Сига... — Оцу, древний город на северо-западе о-ва Хонсю, располагался на землях пров. Сига.

с. 56

По нынешним временам... — типичное для сторонников *кокугаку* дидактическое стихотворение с подробной, основательной интродукцией, формулирующей тезис.

с. 57

...бренная плоть, роса луговая... — образ, пришедший из буддизма и символизирующий в классической поэзии непрочность жизни.

с. 58

Мацугаура — живописные островки в Сосновой бухте (Мацугаура), в пров. Иваки.

с. 61

Удзумаса — горное лесное урочище в окрестностях старого Киото, где Роан жил долгие годы. Ныне часть города.

с. 62

...кричит заблудившийся гусь... — крик отбившегося от стаи гуся в классической поэтике служит аллегорией осенней печали.

с. 65

Кисо — древний почтовый тракт, пересекавший земли пров. Синано и Мино в центральной Японии.

с. 66

Кацура и Оои — реки в окрестностях Киото. Северные горы (Китайяма) — гряда невысоких гор к северу от Киото.

с. 69

Кёхондзи (храм Основ Моста) — находился в пров. Ямасиро, неподалеку от Киото. В стихотворении обыгрывается смысл названия храма по ассоциации с переходом душ в мир иной.

Гора Барабан (Цудзуми-яма) — гора в окрестностях Эдо.

трава в изголовье — аллегория странствий в классической поэтике.

с. 70

«Преходящие сны в призрачном мире». — Стихотворение отражает заимствованную из китайской философии и чрезвычайно популярную в токугавской Японии идею «жизни как призрачного сна» — одну из важнейших концепций искусства *укиё*.

с. 71

цветение вишен — аллегория поры расцвета, наивысшего успеха в жизни.

Удзи — гора близ Киото.

с. 72

...*Путь бесхитростных слов Ямато*... — Ямато — древнее название Японии. Это стихотворение, как и многие ему подобные, отражает основное требование доктрины *кокугаку* о необходимости возрождения национального языка и культуры.

с. 73

Будда — Даритель отрады — точнее, «Будда — Даритель отрады в лазурном сиянии», утешитель скорбящих, божество буддийского пантеона.

с. 74

Акасака — местность в пров. Исэ.

Синсэй-дэра — дзэнский храм Душевных свойств близ Киото, в котором Роан долгое время жил. Неподалеку от храма сохранилась могила поэта.

с. 76

«Сердце». — В традиционной синтоистской философии, частично смыкающейся с буддизмом, перво двигателем человеческой жизни является *когоро* — сердце (в широком смысле слова оно же «душа» или «духовная основа»). Неисповедимые свойства *когоро* постоянно служили объектом размышлений поэтов и философов.

с. 79

Куками — гора в отдаленной пров. Этиго, на северо-западе о-ва Хонсю, где Рёкан прожил около тридцати лет при небольшом дзэнском храме.

с. 80

мячик на нитке (*тэ-мари*) — небольшой, чаще всего бумажный с набивкой мячик, известный у нас как «китайский шарик» на резинке.

с. 82

...бродит олень одинокий...— Трубный клич оленя, напрасно зовущего подругу, в классической поэтике символизирует тоску осеннего ночного одиночества. Этот образ обычно ассоциируется с вака из антологии «Хякунин иссю» («Сто стихотворений ста поэтов», XIII в.): «Когда слушаешь // трубный глас оленя, // что бродит в горах // меж багряных кленов,— // какую грусть навевает осень!» (Авторство приписывается поэту Сарумару.)

цувабуки (*Lignlaria tissilaginea* Makino) — трава с оранжевыми соцветиями.

с. 83

Бу Дай («Холщовый мешок») — прозвище популярного в Японии китайского дзэнского монаха Ци Цы, чья деятельность приходится на конец эпохи Лян (502—556). Бу Дай прославился тем, что ходил с заплечным мешком, в котором, по его словам, умещались все сокровища и вся мудрость мира. В истории буддизма фигура Ци Цы иногда ассоциируется с воплощением будды Майтрейи, сулящего грядущее блаженство. Речь идет о копии его автопортрета в дзэнском храме.

ямабуки (*Kerria japonica*) — кустарник с желтыми цветами, напоминающими дикие розы. Распространенный в классической поэзии образ.

с. 84

Басё — великий поэт, творивший в жанре *хайкай* (1644—1694). Для Рёкана и его современников характерно обращение к «теним» близких им по духу поэтов прошлого.

с. 85

«Надпись на веере». — В средневековой Японии, так же как и в Китае, стихотворные надписи нередко делались на ширмах, шкатулках, веерах и прочих

предметах обихода. Особенно удобным материалом были круглые или овальные веера из соломы.

«Написано в 74 года». — Стихотворение создано в последний год жизни поэта, т. е. в 73 года. В Японии и Китае возраст исчисляется «со времени зачатия».

с. 86

Ияхико — гора в пров. Этиго, на которой находился одноименный синтоистский храм.

с. 88

площечка для подаянья (*хатиноко*) — род пиалы, в которую буддийские монахи собирали подаяние (рисом, овощами или мелкими монетами). Своей площечке Рёкан посвятил немало прочувствованных стихов.

с. 89

В провинции Ки... — В подтексте стихотворения заложено обращение к Сайгё (1118—1190), великому поэту *вака*. Сайгё долгое время прожил на горе Коя при главном храме буддийской секты Сингон, к которой он принадлежал.

Я в плошку свою... — См. примеч. к с. 88.

...Будде трех миров... — В буддизме распространено представление о трех мирах: низший — мир влечений, который подразделяется на бренный земной мир человека и небеса с небожителями; средний — мир форм и высший — мир бесстрастия, свободный от форм. Возможно и более простое истолкование: мир прошлого, настоящего и будущего.

с. 90

«Стихотворение на полосе бумаги» (*гандзацу*) — обычно посылалось другу или возлюбленной с цветами.

с. 92

«Вака» — Рёкан иногда умышленно именовал так свои стихи с целью подчеркнуть их исконную национальную природу.

с. 93

трехстworчатый складень — картина из трех створок.

Поистине сердце...— В стихотворении обыгрывается чрезвычайно сложная и многозначная семантика слова *kokoro* (сердце), о котором в «Лотосовой сутре» сказано: «Кроме сердца, ничто не даст закона и наставления...» Кроме того, здесь содержится аллюзия на стихотворение средневекового поэта Холзэ Токиэри: «Именно сердце // сбивает с толку сердце, // не позволяй же сердцу // быть бессердечным к самому сердцу».

с. 94

...обет всеспасенья дал когда-то Амида-Будда!— Согласно основной доктрине буддизма амидаистского толка, Будда, давший обет спасти человечество, рано или поздно это сделает, независимо от усилий самих людей. Человек же в пассивном ожидании должен призывать имя Будды Амида в sacramентальной формуле: «Наму-Амида-Буцу!»

Путь Благодати — учение Будды.

садзагатэкэ (садзаэ) — крупные раковины со съедобным моллюском.

с. 95

Садо — большой остров в Японском море неподалеку от побережья пров. Этиго (о-в Хонсю). На Садо находились серебряные рудники.

Здесь, на земле...— Стихотворение почти дословно перепевает тему знаменитой *вака* поэта Сэмимару из антологии «Синкокинсю».

с. 96

...любоваться бананом...— Широкие листья неплодоносящего банана (*басё*) легко разрываются на полосы порывами ветра, поэтому он издавна служит в японской поэзии олицетворением чувствительности, впечатлительности и уязвимости, главным образом применительно к поэтической натуре. (Кстати, этот смысл заложен и в псевдониме Басё.)

с. 97

Ю Ямамото — знакомый поэт, житель соседней деревни.

с. 98

«Сочинил, придя на могилу...» — Рёкан обращается к своему любимому поэту Сайгё (1118—1190), который славился необычайным пристрастием к цветам вишни.

с. 103

Если спросят меня... — Стихотворение, постулирующее дзэнскую концепцию бытия, содержит аллюзию на «сумасбродную песню» (*кёка*) дзэнского патриарха XV в. Иккю:

Нет в жилье моем
ни стропил, ни потолка,
ни дверей, ни стен,—
а поэтому будь что будет:
дождь так дождь, ветер так ветер!..

Другими словами, у того, кто ничего не имеет, нечего отнять; тому, кто не дорожит земными благами, не страшно их лишиться.

с. 104

Слышал я, что есть... — Стихотворение содержит типичную для дзэн критику ортодоксального буддизма.

с. 105

...от моста через воды Реки Небесной... — имеется в виду мост, который строят сороки в праздник Та-набата (см. примеч. к с. 30). Стихотворение отражает дзэнскую идею «неприкаянности», согласно которой человек может чувствовать себя повсюду как дома.

«Завещание». — Аллюзия на стихотворение дзэнского патриарха Догэна (1200—1253): «Слива — весной, // летом голос // кукушки, // холодный белый снег // зимой».

с. 107

...белеет не снегом — цветами...— В стихотворении развивается классическое сравнение цветов сливы со снегом. Слива в Японии зацветает раньше прочих фруктовых деревьев, в начале февраля, когда еще порой не успевает растаять снег.

с. 108

«Все меньше цветов остается».— Стихотворение содержит реминисценцию *вака* из «Кокинсю»: «Что ж, о вишня! // Минует пора цветения, // и я исчезну, подобно лепесткам, // чтобы плачевным зрелищем // не огорчать ничьих взоров...»

«зимняя отрада» — поэтическое название цветов ямабуки.

Ямасиро — провинция в центральной части о-ва Хонсю.

с. 111

Судзука — цепь гор и одноименный перевал в пров. Исэ.

с. 112

Сума — воспетая поэтами древности бухта западнее гор Кобэ.

с. 113

13-й день 9-го месяца считается серединой «золотой осени».

с. 114

Маюми — холмы в гряде Асука к северу от Эдо.

с. 120

Камогава — река в Киото.

с. 121

павильон Любования утками — городская усадьба, находившаяся в районе Коя, в Нанива (Осака).

...проводил я дни в созерцанье...— подразумевает созерцание как дзэнская медитация, ведущая к «озарению» (*сатори*).

с. 122

Покрываются мхом...— Порог хижины, зарастающий мхом, символизирует в классической поэтике печальное уединение.

с. 124

«Рассуждение».— Стихотворение выдержано в духе дзэнского парадокса.

с. 125

«Непостоянство».— Стихотворение отражает дзэнскую концепцию приятия жизни «как данности».

«В моей хижине...».— Стихотворение, написанное в 1809 г., посвящено памяти наставника дзэн, с которым Кагэки одно время практиковал *коаны* (философские беседы).

«В похвалу картине...».— Стихотворение отражает буддийские представления о наличии души у всех живых существ.

с. 126

«Старцу Басё».— Стихотворение содержит прозаичную аллюзию на знаменитое хокку Басё:

Старый пруд.
Прыгнула в воду лягушка.
Всплеск в тишине.

(пер. В. Марковой)

«Сижу с курильницей...».— По преданию, сёгун Минамото Ёритомо подарил Сайгё отлитую из серебра курильницу в виде кошки, а поэт демонстративно бросил ее играющим детям. Стихотворение содержит аллюзию на *танка* Сайгё:

Стелется по ветру
Дым над вершиною Фудзи,
В небо уносится
И исчезает бесследно —
Словно кажется мне путь.

(пер. В. Марковой)

Дарума (Бодхидхарма, V—VI вв.) — 28-й буддийский патриарх, основатель секты чань (дзэн) в Китае, выходец из южной Индии. По преданию, проявляя свойственную йогачарам страсть к подвижничеству, Дарума девять лет провел в созерцании стены монастыря, медитируя, — после чего у него отнялись ноги. На портретах изображается как человек с волевым лицом и магнетическим взглядом.

с. 127

«С тенью преподобного Сайгё...». — Стихотворение содержит аллюзию на *танка* Сайгё:

О, пусть я умру
Под сенью вишневых цветов!
Покину наш мир
Весенней порой «кисараги»
При свете полной луны.

(пер. В. Марковой)

Желание Сайгё исполнилось — он умер в 16-й день 2-й луны, на следующий день после дня Успения Будды.

Тадасу — роца при синтоистском храме близ Киото.

с. 129

...привет от Роана... — Несмотря на большую разницу в возрасте, Кагэки поддерживал тесные дружеские отношения с Роаном.

«Ута в жанре *хайкай*». — Из стихотворения хорошо видно, как поздние мастера *танка* заимствовали опыт поэзии *хайкай*.

с. 130

Тот, кто пыль городов... — Пыль — буддийская аллегория мирской скверны. Стихотворение обращено к Сайгё, который воспевал опавшие цветы вишен.

с. 132

Окадзаки — предместье Киото, где Кагэти жил после женитьбы.

Сага — старое название невысокой горы в окрестностях Киото (ныне Араси-яма).

с. 133

...сердца загнанную лошадедку...— В стихотворении использована редкая для поэзии *вака* метафора, основанная на игре слов *кокоро-но кома* — буквально «конь сердца», в переносном смысле «пылкое желание». Поэт разбивает идиому, создавая новый экспрессивный образ «клячи сердца» (*кокоро-но осо-кома*).

с. 134

Едогава — река в окрестностях г. Осака.

с. 137

...за какое-нибудь письмишко...— Бедные поэты и ученые нередко зарабатывали на жизнь сочинением писем к важным персонам, исполнением каллиграфических надписей, сочинением стихов «по случаю» и тому подобными заказами.

с. 143

...цветы зацвели на гвоздичных деревьях...— В народе считалось, что цветы гвоздичного дерева приносят богатство. К началу их цветения в селах изготовляли бумажные фонарики, по форме напоминающие «счастливый цветок».

с. 146

Ученье Богов — имеется в виду доктрина Синто (Божественного Пути), национального японского вероучения.

с. 147

...после мудрого Норинага...— Выдающийся филолог и поэт Мотоори Норинага был кумиром Акэми.

с. 148

«Шуточные стихи». — Этот раздел творчества Акэми, как и некоторые его пятистишия из цикла «Мои маленькие радости», обнаруживает следы влияния городской комической поэзии *кёка*.

...душу Неба и Земли...— Стихотворение содержит пародийный намек на предисловие Ки-но Цураюки к «Кокинсю», где говорится о том, что песни Ямато призваны всколыхнуть душу неба и земли.

с. 154

воитель Ёсисада — Нитта Ёсисада, прославленный воин XIV в., сражался на стороне императора Годайго против мятежных родов Асикага и Ходзё. Его могила находилась в пров. Этидзэн.

с. 155

Воин преданный...— первое стихотворение из цикла дидактической «гражданской лирики» Акэми, которая отражает патриотические роялистские настроения самурайства в преддверии революции Мэйдзи.

с. 159

...оболочку плоти приемлет...— Согласно синтоистским (а отчасти также даосским и буддистским) представлениям, все в мире пронизано единой жизненной энергией *ки* (кит. *ци*), которая в определенной консистенции порождает формы всякого живого существа. Смерть приводит к «рассредоточению» данного сгустка *ки* в макрокосме.

с. 161

«Горная хижина».— В стихотворении обыгрывается классический сюжет.

с. 163

«Волосок».— Смысл аллегии в том, что любое действие правителя отзывается на всем государстве.

с. 166

«Цветы и луна».— Стихотворение передает свойственное Котомити стремление к естественности (*сидзэн*), которая для него, ревностного адепта дзэн, составляла основу миропорядка.

с. 168

Нада — местность в северной части осакской бухты.

Имó — один из двух парных островков во Внутреннем море: Имо (Милая) и Сэ (Милый).

с. 171

сун — 3,03 см.

с. 173

...За первой травой... — имеются в виду наделявшиеся сакральным значением первые луговые растения, весенние травы (*вакана*). По канону, таких трав насчитывалось семь.

с. 175

«Горная хижина». — Стихотворение передает буддийскую идею очищения от мирских соблазнов в слиянии с природой.

с. 177

Душа песеп (*утагокоро*) — мистический идеал приверженцев «отечественной школы».

с. 180

...отодвину прочь изголовье... — Традиционная японская постель стелилась на полу из соломенных циновок. Изголовье представляло собой деревянный валик с дугообразной впадиной в мягкой обивке. Предполагалось, что спать следует в основном на спине. Такое изголовье позволяло подолгу сохранять сложную прическу.

с. 184

...шестикратно звучит голос колокола... — В Японии (как и в Китае) время измерялось двухчасовыми периодами «стражи» — шесть дневных и шесть ночных. Звуки колокола, возвещавшие наступление шестой дневной стражи, были приметой близкого вечера.

с. 188

Напрасно дерзают... — Стихотворение декларирует протест *кокугаку* против схоластической китайской учености.

с. 193

коутá — букв. «песенки» или «припевки». Часто встречаются также под названием *фуси* — «песни». Жанр народной городской поэзии, процветавший в «веселых кварталах». Исполнялись, как правило, под аккомпанемент сямисэна или кото.

с. 196

Бон — буддийский праздник поминовения усопших. Отмечается три дня — 13, 14, 15 числа 7-го месяца.

Синано — провинция в центральной части о-ва Хонсю.

Асама — гора в пров. Исэ. В период Токугава в кратере Асама, так же как и в кратере Фудзи, еще продолжалась вулканическая деятельность, и над вершинами этих гор курился дым.

с. 206.

Хаконэ — горная гряда в пров. Сагами.

Бухта Нанива — осацкая бухта.

Торибэ — гора в окрестностях Осака. В основу популярной истории о самоубийстве влюбленных на горе Торибэ положены реальные события — двойное самоубийство (*синдзю*) молодого осацкого купца Гэнгоэмона и гетеры О-Ман. Сюжет неоднократно использовался в народных балладах, в драмах Кабуки и Дзёрури.

с. 207

Стук валька — пришедший из китайской поэзии традиционный «осенний» образ, передающий печаль разлуки с любимым.

с. 212

...сердце-лотос расцветает... — в буддизме первичная чистота человеческого сердца ассоциируется с цветком лотоса, который распускается после достижения праведником *самадхи* (просветления).

ри — 3,927 км.

сёдзи — раздвижные бумажные перегородки на деревянной раме, в основном между внутренней частью дома и верандой.

с. 219

Кто же, кто же так взмахнул...— классическое клише, передающее картину расставания влюбленных.

с. 221

Над Асама и над Фудзи...— См. примеч. к с. 196.

К ночи колокол звонит...— Распространенный в классической поэзии и фольклоре «дилеммный» образ: что тяжелее — слышать звон вечернего колокола, когда милый не пришел, или же петушиное пение поутру, когда милый уже должен уходить?

с. 224

То ли нам с собой покончить...— В «веселых кварталах» Эдо и Киото было принято обмениваться залогами любви, остригая волосы, вырывая ногти, отрубая кончик мизинца и т. п.

с. 227

Моти — рисовые колобки.

с. 228

нецке (нэцукэ) — резные миниатюрные украшения из кости или камня, которые зачастую использовались в быту как пряжки, подвески, заколки, оправы и т. п.

с. 229

...в рождении грядущем нас соединит...— В период Токугава получило распространение поверье, будто бы горячо любящие души могут соединиться в следующем перерождении, особенно если уйдут из жизни вместе. Результатом этой теории явилась повальная эпидемия двойных самоубийств.

с. 230

...буду домогаться...— намек на поверье, согласно которому душа обманутой любовницы после ее смерти может обратиться в призрак и преследовать бывшего возлюбленного.

с. 232

...ветрены мальчишки...— Речь идет о *вакасю* — мальчиках и юношах, исполнявших (до запрещения властями) женские роли в театре Кабуки. *Вакасю* наряду с дзёро пользовались благосклонностью за-всегда таев «веселых кварталов» и знатных вельмож.

с. 233

мисо — паста из соевых бобов.

с. 235

Суруга — провинция в центральной части о-ва Хонсю, выходящая к восточному побережью.

с. 236

В недрах той горы Асама...— Вулкан Асама был излюбленным местом двойных самоубийств.

...Трех основ круговращенье... (санрин) — подразумевается извечная причинно-следственная связь кармы: вождение — деяние — страдание.

с. 237

«Времена года». — В песне, содержащей сезонную «символику настроения», зашифровано описание красавиц Ёсивары, чьи имена (Ёсино, Первая Трель, Осенний Ветер, Фудзи и др.) должны были бросаться в глаза осведомленному читателю. Для посетителей «веселых кварталов» нередко составлялся перечень основных достоинств и цены обитательниц «чайного дома» в виде буклета.

с. 239

узорчатка — мраморный сверчок.

судзумуси — японский сверчок.

с. 240

уцуги — дейция зубчатая (*Deutzia crenata*), декоративный кустарник.

...пояс-оби повязала...— Повязывая пояс *оби*, героиня по ассоциации вспоминает об узах любви и с горечью отмечает, что пояс (а *оби* иногда бывали длиной свыше 5 м) оказался «длиннее» недолговечной любовной связи.

Хитати — провинция на востоке о-ва Хонсю, входящая в понятие Восточного края (Адзума).

Мияги — равнина в центральной Японии.

с. 241

«Осенний дождь». — Песня представляет собой фольклорный прообраз знаменитых *митиюки* (описание бегства или скитаний) из пьес Тикамацу и его современников. Героиня, скорее всего, лишилась постоянного места в доме терпимости по возрасту (предельным возрастом для дзёро было двадцать семь лет) и вынуждена скитаться в поисках пристанища.

Мацути — гора неподалеку от г. Нара на берегу р. Есино. В этих местах и разворачивается *митиюки*.

с. 242

Восточный край (Адзума) — в данном случае восточные провинции и г. Эдо.

Тика — один из «чайных домов» квартала Симабара, в Киото.

с. 243

«Песня, открывающая путь грез» — характерный образчик *митиюки*, в котором влюбленные направляются к месту самоубийства. Трупы совершивших *синдзю* обычно не хоронили, а выбрасывали на свалку, ибо подобная смерть рассматривалась как греховная. Отсюда и мрачная символика стихотворения.
...муки в двух мирах... — т. е. в настоящем и будущем.

...все сферы ада... — В буддийском аду существовали три основные сферы (огня, голодных демонов и низменных тварей) со множеством подразделений.

с. 244

...в изголовье рукава... — Широкие рукава кимоно, служащие изголовьем для влюбленных, в классической поэтике являются аллегорией ложа любви. С другой стороны, рукава, увлажненные слезами, обычно передают горечь разлуки.

с. 247

«Рассвет». — В последних строках стихотворения содержится аллюзия на историю и *вака* из классического памятника «Исэ моногатари» (X в.):

«То белый жемчуг
или что?» — когда спросила
у меня она, —
сказать бы мне: «роса», и тут же
исчезнуть вместе с нею.

(пер. Н. И. Конрада)

с. 248

Тацута — река в окрестностях г. Нара. В «поэтической географии» славилась красотой плывущих по течению кленовых листьев.

...быстрины Небесной... — В стихотворении быстрина (*сэ*) появляется на Небесной реке по аналогии с земными реками.

с. 249

...мошек жалобное пенье... — В тексте сказано просто «насекомые, живущие в водорослях». Однако слово «водоросли» омонимично «подстилке» из одежд на любовном ложе, что создает дополнительный ассоциативный ряд.

с. 250

...к будущей невесте... — т. е. к невесте и жене в будущем рождении.

с. 251

...у реки Печальной... — букв. у реки Плача (Накигава). Еще один пример ассоциативной игры слов (*энго*).

с. 252

Уэно, Юсима, Асакуса — районы Эдо.
Вот бы шерстку — да на кисти... — из шерсти животных, в том числе оленя, изготовлялись кисти для письма.

с. 253

«Вакасю» — См. примеч. к с. 232.

с. 254

«Жизнь». — Стихотворение служит своеобразным манифестом поэзии «бренного мира» с ее призывом к наслаждению (*нагусами*) и забвению житейских невзгод.

* * *

В оформлении сборника использованы работы крупнейших мастеров японской гравюры XVIII—XIX вв. Итиюсай Хиросигэ и Кацусика Хокусай.

Коротко об авторах

Камо Мабути (1697—1769)

Сын священника синтоистского храма, Мабути провел юные годы в провинции Тоотоми. Под руководством известного ученого Ватанабэ Моан он изучал классическую китайскую философию и литературу, обращая особое внимание на поэзию. Уже в зрелые годы, познакомившись с выдающимся теоретиком «отечественной школы» Када Адзумамаро и проникшись его идеями, Мабути решил посвятить жизнь делу возрождения благородной древности.

В ранней лирике Мабути ощущается влияние антологии «Синкокинсю», в то время как более поздние *вака* ближе по духу к «Мапъёсю». Его поэзия зиждется на трех основополагающих принципах: *макото* (искренность), *сирабэ* (мелодичность) и *масабури* (благородная мужественность).

Таясу Мунэтакэ (1715—1771)

Мунэтакэ, второй сын сёгуна Токугава Есимунэ, с детства проявлял способности в области воинских искусств, литературы и музыки. Наставником изящной словесности при его дворе был знаменитый деятель движения *кокугаку* Када Аримаро. Впоследствии его место перешло к поэту и ученому Камо Мабути.

Из древних антологий Мунэтакэ всем прочим предпочитал «Мапъёсю». Легкость, раскованность, вир-

туозное владение богатейшим арсеналом тропов, умение одним штрихом передать глубину образа характеризуют лирику его сборника «Речения, ниспосланные небом» («Аморигото»).

Одзава Роан (1725—1803)

Отпрыск знатного самурайского рода, Роан (настоящее имя Одзава Харунака) унаследовал почетную должность при княжеском дворе в Киото. Получив обычное по тем временам образование, он долгое время и не помышлял о литературной карьере, зато проявлял недюжинные способности в области фехтования и игры на флейте.

В 1765 г. Роан ушел со службы, чтобы в дальнейшем зарабатывать на жизнь творческим трудом. Он слагал *вака*, писал трактаты по поэтике, читал лекции. После большого пожара 1788 г. в Киото Роан переселился за пределы города, в горное урочище Удзумаса, где и прожил пять лет при небольшом дзэнском храме. Глубоким старцем он вернулся в Киото и там вскоре умер. *Вака* Роана вышли в сборнике «Тайна скверны мирской» («Тири хидзи»).

Поэтическое кредо Роана засвидетельствовано в его эссе и манифестах. Опираясь на опыт «Кокинсю», он выдвинул идею о сочетании в поэзии «извечных чувств человеческих» (*додзэ*) и «новых чувств» (*синдзэ*), порожденных единственным и неповторимым данным моментом.

Рёкан (1758—1831)

Рёкан (настоящее имя Ямамото Эйдо) был старшим сыном деревенского старосты и настоятеля синтоистского храма в отдаленной северо-западной провинции Этиго. Семнадцати лет от роду юноша принял постриг, вступив в буддийскую секту дзэн школы Сото, и поселился в небольшом дзэнском монастыре. Там ему удалось пополнить полученное в детстве классическое образование. Позже Рёкан провел несколько лет в стенах дзэнского храма Энцу-дзи. Затем скитался по стране, собирая подаяние и слагая стихи. В сорок два года Рёкан вернулся на родину и обосновался в обители Гого-ан на горе Куками, где прожил без-

выездно до самой смерти. Собрание его сочинений вышло под названием «Роса на лотосе» («Хатису-но цю»).

Литературные пристрастия Рёкана определялись главным образом изучением «Манъёсю» и творчества китайского дзэнского поэта Хань Шаня. В исторической легенде Рёкан предстает эксцентричным чудачком, чужающимся благ цивилизации, хотя в действительности его стремление к простоте и умение улыбкой встречать тяготы земного бытия было плодом глубокой философской мысли.

Кагава Кагэки (1768—1843)

Выходец из обедневшей самурайской семьи, Кагэки обязан своей фамилией приемному отцу, Кагава Кагэмото, одному из ведущих киотоских поэтов, к которому девятнадцатилетний юноша поступил в ученики. Большое влияние на поэтическую индивидуальность Кагэки оказало знакомство с Одзава Роаном. В то же время после выхода в свет его основного сборника «Ветвь из сада багряника» («Кэйэн исси») в 1828 г. Кагэки, возглавивший столичную школу *вака*, подвергся нападкам со стороны поэтов *кокугаку*, учеников Камо Мабути и Мотоори Норинага.

Требую спонтанного творчества и выступая против сознательной ориентации на поэтику классических антологий, Кагэки отстаивал приоритет *сирабэ* — мелодики, тональности стихотворения. В его лирике следование канону и безупречное изящество формы сочетаются с естественностью и глубиной содержания.

Татибана Акэми (1812—1868)

Акэми (настоящее имя Идэ Госабуро), сын богатого купца из провинции Эйдзэн, принял фамилию Татибана в честь своего легендарного аристократического предка. Рано оставшись сиротой, он стал послушником буддийского храма секты Нитирэн, где получил фундаментальное классическое образование. Позже под руководством одного из учеников Мотоори Норинага он познакомился с доктриной *кокугаку*.

В возрасте тридцати пяти лет Акэми передал все дела торгового дома сводному брату, отказался от

своей доли наследства и переселился с семьей в уединенный приют, который он назвал Соломенная хижина (Варая). Там, слагая *вака*, любуясь цветами и принимая изредка гостей, он прожил до конца дней своих.

По убеждениям Акэми был сторонником реставрации императорской власти, приветствовал ее, но не дожидая десяти дней до провозглашения эры Мэйдзи.

При жизни Акэми увидели свет его сборники «Пеленки» («Муцугуса»), «Песни Соломенной хижины» («Варая эйсо») и «Стихи Синобуя» («Синобуя касю»).

Окума Котомити (1798—1868)

Котомити (настоящее имя Окума Киёхара) был наследником богатого купеческого дома в Фукуока на о-ве Кюсю. В юности он изучал искусство сложения *вака* и каллиграфию у известного ученого Хиросэ Таисо. Самостоятельно читал и комментировал «Манъёсю», «Кокинсю», стихи Сайгё и Басё. В возрасте тридцати восьми лет Котомити передал коммерческие дела брату и удалился в скромную хижину на окраине города.

В 1857 г. Котомити переехал в Осака, где вскоре опубликовал свое основное сочинение — сборник «Тропинка меж трав» («Сокэйсю»). Книга прошла незамеченной и была «открыта» только в конце XIX в., вызвав настоящую сенсацию в поэтическом мире. Его стихи отличает острое чувство предметности бытия и необычайно тонкое понимание дзэнского принципа «вечное в текущем».

Могоори Норинага (1730—1801)

Норинага родился в семье преуспевающего купца из пров. Исэ. Переехав после того, как ему исполнилось двадцать лет, в Киото, способный юноша ряд лет занимался медициной и одновременно изучал полный курс конфуцианских дисциплин под руководством Хори Кэйдзана. Увлечшись модной в те времена доктриной *кокугаку*, он вскоре полностью переключился на отечественную литературу и стал читать лекции по «Гэндзи моногатари» и «Манъёсю». Идеи *кокугаку* пропагандировались и в его филологических

трактатах, и в дидактических *вака*, которые Норинага слагал во множестве.

Пейзажная лирика Норинага, как правило, довольно красива, но подражательна, а полемические пятистишия, несущие идеи *кокугаку*, оригинальны,— но не более того. Лишь некоторые «программные» стихи в наши дни украшают страницы антологий как нерукотворный памятник всеобъемлющему таланту их автора.

Содержание

Поэзия изменчивого мира. <i>А. Долли</i>	5
--	---

Классическая поэзия вака

Камо Мабути	25
Таясу Мунэтакэ	38
Одзава Роан	52
Рёкан	77
Кагава Кагэки	106
Татцбана Акэми	135
Окума Котомити	160
Мотоори Норинага	188

Народная поэзия

Коута	193
Фуси	237
Комментарий	258
Коротко об авторах	281

Осенние цикады

из японской лирики
позднего средневековья

Редактор *О. С. Ривкина*
Младший редактор *Г. А. Бурова*
Художник *Э. Л. Эрман*
Художественный редактор
Б. Л. Резников
Технический редактор
З. С. Теплякова
Корректор *К. Н. Драгунова*

ИБ № 14292

Сдано в набор 25.12.80. Подписано к печати 02.06.81. Формат 70×100¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 11,7. Усл. кр.-отт. 11,825. Уч.-изд. л. 9,58. Тираж 20 000 экз. Изд. № 4799. Тип. зак. № 817. Цена 1 руб.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473.
Краснопролетарская, 16.

Осенние цикады. Из японской лирики
О-72 позднего средневековья. Пер., сост., предисл. и коммент. А. Долина. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981.

286 с. с ил.

В книге представлены лучшие произведения классической поэзии «танка» разных стилей — пейзажные зарисовки, элегические раздумья, философские максимы, пародии. Собранные в книге народные песни и баллады повествуют о нравах горожан и обитательниц «веселых кварталов». Большинство стихотворений публикуется на русском языке впервые.

0 $\frac{70404-122}{013(02)-81}$ 194-81 4703000000

И(Яп)

1 руб.

富士山天景

信州
諏訪湖

平野高下

